

Евгений Бриз

*Могильный
переплёт*

Евгений Бриз

Могильный переплёт

«Издательские решения»

Бриз Е.

Могильный переплёт / Е. Бриз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508750-8

Село Изнанка бережно хранит свои тайны. Минуло девять лет с той ночи, когда председатель сельсовета раскопал несколько могил и расстрелял разлагающиеся тела, после чего убил с полдюжины живых односельчан. С тех пор председателя никто не видел. История начинается новый виток после того, как в Изнанку приезжает некий фармацевт с революционным препаратом «Слипинцвейг», позволяющим бодрствовать во сне. Однако у препарата есть ряд побочных эффектов, включая неспособность отличить сон от реальности. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-508750-8

© Бриз Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Копатель	6
Часть 1. Сквозняк на кладбище	8
18 июня	8
19 июня	15
20 июня	17
21 июня	23
Часть 2. Дендрарий	33
20 июня	33
21 июня	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Могильный переплёт

Евгений Бриз

© Евгений Бриз, 2019

ISBN 978-5-0050-8750-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Копатель

Измаил любил похороны. Всякий раз, выкапывая свежую могилу, а затем погружая в неё гроб с остывшим телом, он ощущал собственную значимость. Ему приходилось кормить двух маленьких детей и жену размером с астероид, а лучшее, что он мог делать в жизни, – это работать лопатой.

Он с детства обожал копать. Сначала это были поиски мифических кладов на огороде, затем миниатюрные могилки для насекомых и мелких животных, которых сентиментальный Изя не мог умертвить сам и просил об этом соседа Никиту. Тот охотно помогал, а потом смотрел, как маленький еврейчик Изя закапывал трупки. С каждым новым летом всё глубже и глубже...

Когда Измаил вырос, ямы выросли вместе с ним. Он устроился копателем и работал сверх всякой меры, разъезжая как по городским кладбищам, так и в родном селе Изнанка. Люди умирали каждый день, за что копатель благодарил небеса. Ведь если бы Бог наделил человека бессмертием, Измаил потерял бы всякий смысл жизни. А так он знал своё предназначение и добросовестно относился к обязанностям. В свободное же от работы время он любил играть в «Майнкрафт» и смотреть фильмы ужасов.

Как-то ночью ему приснился кошмар, что люди действительно перестали умирать. Они не старели, не заболели и даже после жутких несчастных случаев приходили в норму. Измаил проснулся, покрытый испариной, и почувствовал чьё-то присутствие. Возле кровати стоял безликий человек в бесформенном плаще с капюшоном. По бокам свисали неестественно длинные бледные руки.

– Только не кричи, Изя, – посоветовал Безликий. Голос его оказывал умиротворяющее действие.

– Хорошо. Но кто вы? – спросил Измаил и посмотрел на мирно спящую жену.

– Я – твой новый работодатель.

Измаил попытался проглотить застрявший в горле комок страха.

– И что мне предстоит делать?

– Что и всегда – копать. Вставай, бери лопату и следуй за мной.

Измаил и не помышлял противиться. Сама мысль возразить этому жуткому воплощению ночи казалась чреватой последствиями. Он послушно встал, оделся, взял в гараже лопату и зашагал вслед за Безликим.

Они шли в полном молчании почти час, пока не добрались до окраины деревни. Рассвет пробивался сквозь тёмную завесу дождевых туч, приятно пахло свежескошенной травой. Копатель осмотрел раскинувшееся перед ним поле. Гектары плодородной земли. За ними виднелся местный дендрарий, один из крупнейших в области.

Безликий достал из-за пазухи большую книгу в ветхом переплёте, раскрыл её и повернулся к Измаилу.

– Тебе предстоит много работы, как ты успел заметить.

– Вы хотите, чтобы я рыл могилы? Прямо здесь?

– Здесь, там, повсюду. – Существо в плаще начало водить рукой, очерчивая круги.

Измаил сжал рукоятку лопаты и рискнул спросить:

– Но для кого?

– Для всех. Ты ведь с детства предавался мечтам о том, как на Земле вымирает всё население, а ты остаёшься. И весь остаток жизни посвящаешь копанию могил для миллиардов тел по всей планете. Ты же всегда втайне мечтал об этом, не так ли?

Измаил выронил лопату. Он никому никогда не говорил об этих постыдных и болезненных мыслях, преследующих его с детства.

Существо отвело руку в сторону, выпавший инструмент воспарил в воздухе и приник к ней, будто намагниченный.

– Копай, Изя, копай, – проговорил Безликий и протянул копателью лопату.

Часть 1. Сквозняк на кладбище

18 июня

Как же хочется спать, подумал Петро Динцев, делая звук на радиоприёмнике тише. Унылое вечернее шоу, казалось, способно вогнать в тоску ещё сильнее, чем гробовая тишина. Перечитанная вдоль и поперёк книга Джона Руссо «Ночь живых мертвецов» лежала в открытом виде обложкой вверх на письменном столе.

Петро прильнул к горлышку бутылки пива, потом полез в рюкзак за термосом с чаем. Он бы отдал всё за час сна, но уже вторую неделю сон наотрез отказывался навещать бедолагу.

Ночи он тратил на просмотр фильмов и чтение всякой макулатуры, обнаруженной в сто-рожевом вагончике. Помимо богатой коллекции книг про живых мертвецов, заботливо собранной его сменщиком дедом Артуром, имелись и залежи несвежей и заповешей периодики. Например, именно из старых газет он узнал подробности весьма душеспичательной истории из прошлого своего родного села Изнанка.

Около десяти лет назад тогдашний председатель сельсовета с интересным именем Ежи и не менее интересной фамилией Сквозняцкий раскопал несколько десятков могил и расстрелял разлагающиеся тела. Многие из них он хаотично разбросал по кладбищу. После чего председатель убил с полдюжины вполне живых односельчан, некоторым из которых расстрелянные покойники приходились родственниками. По совокупности имеющихся фактов он получил наиболее подходящее прозвище – Сквозняк на кладбище или просто Сквозняк (как, впрочем, его и называли до злосчастных событий).

О причинах и мотивах столь чудовищных поступков существовали различные версии. Одни считали, что всё дело в банальной белой горячке, другие видели в случившемся мистический подтекст вроде использования зомбирующей магии. Третьи склонялись к версии мести – якобы Ежи отомстил сельчанам за смерть своего сына – ещё одно загадочное и нераскрытое дело Изнанки. Правду же унёс с собой убийца, только вот куда унёс – никто не знал. В завершении бессмысленной бойни безумец вроде как застрелился и сам, но его тело почему-то не нашли. Неудивительно, что многие не поверили в его смерть. Долгое время ходила молва, что этот человек живёт на кладбище, периодически раскапывая заброшенные могилы и вспоминая прошлые шалости. Затем он их закапывал, потому следов и не находили.

Прежде о тех событиях Петро знал немного. В те годы он был глупым подростком и долгое время подсознательно пугался возможной встречи Сквозняка. Усиливало страх и расположение дома Динцевых – на окраине села в близости от кладбища. Теперь же, повзрослев, он несколько не верил всерьёз в деревенские легенды, обросшие плотным мхом вымысла.

Минутная стрелка настенных часов двигалась по циферблату издевательски медленно, а часовая, такое ощущение, и вовсе застыла где-то между десятью и одиннадцатью вечера. Петро полез в карман за телефоном. Надо с кем-нибудь поговорить, решил он и набрал номер Иры, своей соседки.

– Алло, привет, детка! – Он постарался взбодриться таким приветствием. – Не занята?

– Ты знаешь, который час? – В её шёпоте он расслышал чётко уловимые аккорды раздражения. – Муж дома.

– Наверняка он смотрит зомбиящик, – предположил Петро. – Со мной происходит какая-то борода. Всё никак не могу выспаться с той нашей ночи. И думаю о тебе.

– И что ты хочешь, чтобы я сделала? Приехала к тебе на кладбище?

– Не обязательно. – Он отчётливо и смачно зевнул. – Я бы не отказался и от облегчённой версии по телефону.

– Эй, пупсик, ты скоро? – услышал Петро в трубке приглушённый мужской баритон где-то на заднем плане.

– Всё, мне пора, – вновь шёпотом заговорила Ира. – Если что, есть такая услуга как секс по телефону.

Она отключилась.

– Пупсик-шмупсик, – недовольно проговорил Петро коротким гудком в динамике и потянулся за пачкой сигарет. Кому бы позвонить ещё?

Ира ему нравилась. Хотя она была и старше Петро на целых семь лет – на днях ей исполнилось тридцать. Именно на её дне рождения между ними и случился первый несоседский контакт, так сказать. А ещё у неё был муж и восьмилетний сын. Две стены, которые не сдюжил бы подвинуть даже такой крепкий парень, как Пётр Динцев.

– А как насчёт Анжелики? – спросил он сам себя, но тут же непроизвольно сморщился и ответил: – Хватит жить прошлым, чувак.

Анжелику он когда-то даже любил. Пару недель, а остальные три месяца их отношения изобиловали любыми чувствами, кроме возвышенных. Главным образом, это были чувства животной страсти, перемешанные с беспочвенной ревностью и чересчур быстро приобретённой привычкой друг к другу. От такого пьянящего коктейля голова закружилась сначала у Анжелики, потом у Петро. По истечении трёх с половиной месяцев лета (их лето немного затянулось) некогда влюбленную парочку начало тошнить друг от друга. Прошлым летом Петро в полной мере убедился в мудрости человека, впервые изрёкшего фразу: «От любви до ненависти один шаг».

С тех пор Анжелика превратилась для Петро в ещё одно тело, погребённое поодаль от вагончика кладбищенского сторожа. Такие тела он называл пережитками. За полгода работы он посмотрелся и послушался не один десяток историй, некоторые из которых так и остались погребены под землёй, как никому ненужные пережитки прошлого.

Со временем память о людях выветривается так же неизбежно, как и разлагается их плоть. Особенно, если эту память некому хранить.

– Позвоню-ка я Затравкину!

В селе Изнанка Дмитрий Затравкин выполнял функции местного блюстителя правопорядка. Он работал милиционером-участковым, единственным на два населённых пункта – Изнанку и соседний посёлок Сети. В шутку многие называли его шерифом или полицейским. Ему нравились такие обращения.

– Здорова, что делаешь? – спросил Петро, закуривая сигарету.

– Смотрю свежий фильм с Уиллисом. А ты на дежурстве?

– Ага. Если Брюс в очередной раз всех победит, заезжай – отметим.

Затравкин замялся, поэтому Петро недовольно бросил:

– Опять ночуешь на сеновале? Нашёл себе сучку на ночь?

– Ты меня ревнуешь? – Дмитрий издал короткий смешок.

– Сдался ты мне. Мне просто нужна компания, чтобы не подохнуть со скуки. Не спасает даже Валерич. По субботам он имеет обыкновение названивать и интересоваться обстановкой. Будто я работаю охранником в ночном клубе.

– Ты ему отвечай на это: всё спокойно, все лежат. Ладно, – сдался Затравкин, – я спрошу, она вроде приехала с подругой. И если вообще городские цыпы согласятся ехать на деревенское кладбище на ночь глядя!

– Согласятся, ты же шериф.

Динцев отключился и положил мобильник на стол. Затянувшееся одиночество начало его угнетать. Но Затравкин не заставил себя долго ждать. Уже через полчаса местный полицейский буквально ворвался в сторожевой вагончик в сопровождении двух слегка подвыпивших смеющихся девиц. Сам Затравкин не добирал до их степени опьянения и весёлости лишь

пару баллов. Но пакеты со звенящими стеклянными бутылками в его руках свидетельствовали о том, что он твёрдо решил наверстать упущенное. Завидев новых гостей, мокрых от дождя и навеселе, Петро заметно взбодрился и стряхнул с лица накопившуюся во время ожидания хмурость.

– Здорова, братишка, Брюс как всегда победил! Вздрючил всех! – Дмитрий крепко пожал руку Петра. – Знакомься, это Света и Алёна. А это просто Петро, – так представил он Динцева девушкам, которые, по первичной оценке Петро, в этот раз даже без натяжек подходили под определение «симпатичные». Одна из них – высокая стройная блондинка Алёна – даже напомнила Динцеву актрису Ким Бейсинджер в молодости. На Свету он особо и не смотрел, сразу поняв, что она с Затравкиным.

Обменявшись стандартными любезностями, заигрываниями и остротами, компания молодых людей разместилась в вагончике в предвкушении небольшой пирушки. В разгар веселья Затравкин вытащил из кармана пакетик с тремя бежевыми пилюлями и потряс его перед носом Петро.

– Знаешь, что это? Революционное изобретение европейских учёных, позволяющее бодрствовать во сне.

– Как это – бодрствовать во сне? – удивился Динцев.

– Очень просто, – пояснил Дмитрий, но по его виду нельзя было сказать, что сам он понимал природу такого явления. – Полусон наяву. Ты спишь и одновременно можешь что-то делать. То есть, осознаёшь это.

– Контролируемое сновидение?

– Не-ет. В том-то и прикол, что ты не лежишь бревном, а действуешь.

Петро скептически скривил лицо.

– Откуда у тебя это?

– В Изнанку приехал представитель Университета прикладной алхимии, где изобрели данный препарат. Какой-то еврейский фармацевт. – Полицейский вытащил из нагрудного кармана тёмную визитку. – Снадобье даже названо в честь него – «Слипинцвейг».

Динцев взял визитку и прочитал: «Карл Розенцвейг. Университет прикладной алхимии». И два номера телефона.

– Попробуем? – спросил Затравкин и вскрыл пакет.

– Знаешь, что-то не хочется. Мало ли, что это за зелье.

– Он предоставил кучу сертификатов и прилюдно принял сам одну из пилюль во время сегодняшнего собрания сельсовета. Завтра должна состояться масштабная лекция и начнётся распространение препарата.

– И чем же наше село заслужило такую честь? – не унимался Динцев. – Может, нас хотят использовать как подопытных кроликов? Испытать новый препарат.

– Мать моя женщина, тебе стоит поменьше читать всякой лабуды! Как пояснил Розенцвейг, все индивидуальные испытания закончены, им осталось лишь посмотреть, как использование пилюль для полусна впишется в размеренную жизнь населённого пункта.

Полицейский извлёк одну из пилюль и приготовился её проглотить.

– Стой! – закричала Алёна. – А вдруг это и правда какой-нибудь наркотик?

– Ничего страшного, у меня богатый опыт, – сознался блюститель закона. – Крошка, ты со мной? – Он взглянул на Свету, скривив рот в полуулыбке.

Та, не раздумывая, согласилась. Алёна едва ли не физически пыталась их остановить, а Петро лишь заворочено наблюдал за происходящим.

– Вы – идиоты! – кричала на них Алёна, вмиг протрезвевшая и оттого потерявшая часть изначальной привлекательности. – Особенно ты, Светлана Батьковна, всегда суёшь в рот что попало!

– О-о! – Затравкин рассмеялся и спародировал персонажа из известной юмористической передачи. – Да успокойся! Не очкуй, от этой шняги ей ничего не будет.

Преппирательства длились ещё с минуту, после чего начали утихать ввиду резко нахлынувшей сонливости на двух участников вербальной полемики.

– О-ох, – зевнул Затравкин. – Меня ща вырубит. – Он посмотрел на свою подругу – Света уже задремала.

Затравкин отключился. Речь утонула в сопении, взгляд погас как экран разрядившегося мобильного, тело обмякло.

– Ой, так и должно быть? – Алёна испуганно захлопала глазами.

Молодые люди не приходили в себя больше трёх минут, из-за чего забеспокоился уже и Петро. Он наклонился к Затравкину и похлопал его по щекам:

– Эй, просыпайся! Ты спишь?

В ответ Дмитрий что-то пробормотал и закрутил головой.

– Нет, на фиг! – резко сказал он. – Передайте список в Интерпол. Пусть они пошлют отряд на зачистку мексиканских границ. Ага. А почему Кастелано ещё на свободе?

В этот момент вроде как пришла в себя и Света.

– Ай! Ай-яй! – запищала она, не открывая глаз. – Кролики хорошие, зачем вы их жарите?

– Торкнуло, – усмехнулся Петро и вернулся на стул.

– Если они позвонят, сразу дайте трубку мне, понятно? – продолжал Затравкин. Теперь его монолог сопровождался вполне приличной для спящего человека жестикуляцией – размахиванием рук и киванием головы. – Хочу сам поговорить с ними. Мексикашка не должен опять уйти!

– А ещё мне жалко цыплят, – гнула свою линию Света, – и лошадок. Я вообще такая сентиментальная. И меня легко развести на секс.

Петро и Алёна переглянулись. Динцев не сдерживал улыбки, а девушке, судя по выражению её лица, было не до смеха.

– Пусть побродят в мире снов, – сказал он, дабы слегка её успокоить.

– Сам броди в мире снов! – неожиданно выпалил Затравкин. – Петро, это ты? – И тут шериф открыл глаза.

– Что, проснулся уже? – спросил Динцев.

– А я спал? – Дмитрий поднялся с дивана и шатающейся походкой в усмерть пьяного забулдыги направился к столу. – Мне нужно позвонить в Интерпол.

– Какой на фиг Интерпол? Аллё, гараж!

Света тоже открыла глаза и уставилась на Петро.

– Я хочу тебя, – сказала она и потянулась к нему. Динцев отпрянул от неожиданности, выставив руки в качестве средства защиты. Он не привык, чтобы девушки бросались на него после нескольких минут знакомства. Даже девушки под кайфом.

Затравкин всё-таки сподобился добраться до стола как раз в ту секунду, когда зазвонил стационарный телефон. Не задумываясь, он снял трубку и завопил:

– Чёрт вас дерит, когда вы собираетесь ловить этого ублюдка?? Э-э, а это кто? Андрей Валерьевич?

Заслышав имя босса, Петро тут же подскочил и попытался вырвать трубку из рук Затравкина прежде, чем тот посвятил Андрея Валерьевича во все планы своей погони-галлюцинации. Но шериф жёстко сопротивлялся, не желая отлучаться от разговора.

– Да, Андрей Валерьевич, полный порядок, – сказал он. – Всё спокойно, все лежат. Я как раз заехал к Петро проверить законопослушность его подопечных. Ага.

Динцев слегка успокоился. Должно быть, Затравкин пробудился и вернул себе здравый рассудок, раз уж был способен без запинаний произносить даже такие сложные выражения и анализировать действительность.

– И вам всего хорошего. – Он повесил трубку.

Петро посмотрел на Дмитрия и понял, что не всё вернулось на круги своя – выражение лица, глаза и манеры оставались под действием сонного дурмана. Тем не менее, Затравкин вытащил из кармана пачку сигарет, с явным трудом извлёк одну вместе с зажигалкой и стал неторопливо прикуривать. Алёна же в этот момент пыталась успокоить Свету, то и дело норовящую стянуть с себя блузку и юбку.

– Эй, помогите мне успокоить её!

– А что с ней не так? – спросил Затравкин.

– Я хочу секса! – ответила Света и посмотрела на подругу. – Это с тобой что-то не так, потому что ты его никогда не хочешь.

Света говорила вполне членораздельно, хотя внешний вид её был ничем не лучше, чем у Дмитрия.

– Девочки, не ссорьтесь. – Затравкин затушил едва подкуренную сигарету прямо о стол и принялся расстёгивать на себе рубашку. – Волею народа я защищаю интересы и права всех жителей и гостей Изнанки. Поэтому, как и в большинстве случаев, мне придётся взять решение проблемы под личный контроль.

Он весьма ловко избавился от рубашки, затем от майки и принялся за штаны. Свету уже никто не сдерживал и она с довольной улыбкой тоже начала раздеваться.

– О Боже, это ужасно! – возмущению Алёны было явно тесно в крошечном вагончике, поэтому она в спешном порядке вышла на улицу. Дождь прекратился, оставив после себя влажную прохладу июньской ночи.

Петро лишь усмехнулся.

– Тащи её сюда, – сказал ему нагой Затравкин. – Или вы будете играть в девственниц и девственников? – Он расхохотался и навалился на Свету. Точнее, она навалила его на себя.

– Не буду вас смущать, – сказал Динцев и тоже вышел.

– Не куришь? – спросил он у Алёны, воинственно занявшей пост возле вагончика со скрещёнными на груди руками. Получив отрицательный ответ, Петро достал одну сигарету и щёлкнул зажигалкой. – Не бери в голову, в любом случае, их вечер закончился бы именно так.

– Это понятно, но не так же откровенно! – Она с укором посмотрела на Петро. – Всё это из-за наркотиков.

– Конечно, – согласился Динцев и отвернул голову, чтобы выпустить струю дыма. – Но они лишь усилили их желания.

Он вспомнил про упомянутый эффект полусна наяву. Или что-то в этом роде. Не могли ли они сейчас спать, совершая половой акт у себя во сне? Тогда бы это объяснило их столь раскованное поведение. Однако версия не укладывалась у Петро в голове, поэтому он предпочёл пока не думать о ней.

– Почему вы живёте в этой деревне? – неожиданно сменила тему Алёна. Причём, вопрос прозвучал с нескрываемым наездом. Петро заметил, что она брезгливо изучала надгробия ближайших могил.

– Думаешь, я рад? – начал он с риторического вопроса. – Пока что мне приходится ухаживать за больным отцом. У него случился паралич левой стороны после инсульта. Мы остались вдвоём, мать умерла шесть лет назад, а старший брат угодил в тюрьму за кражу. У нас нет близкой родни, так что в городе нас никто не ждёт.

Выражение лица Алёны изменилось с гневного на сочувственное:

– Извини. Я могла бы догадаться, что всё не просто так.

– Не могла. Здесь хватает молодёжи, как и в соседнем посёлке Сети. Возьми вон хоть Димона. – Он показал рукой себе за спину, на вагончик, из которого уже доносились недвусмысленные стоны. – В двадцать семь лет он предпочитает играть в шерифа, хотя возможность уехать у него есть. И давно. Мозги вроде тоже при себе. Он не так глуп, как кажется.

- Хочет быть первым парнем на деревне, – предположила Алёна и улыбнулась.
- Наверно.

Петро затаился и вдруг осознал, что давно нуждается в разговоре по душам, для которого его единственный друг Затравкин не годился. Скорее всего, малознакомая Алёна тоже не годилась, но Динцев предпочёл не гадать.

- А вообще, знаешь, – начал он, – всё не так просто, как кажется на первый взгляд.
- Ты про что? – удивилась девушка.

– Про наше село. Ты в курсе, что почти все молодые парни здесь – наркозависимы? Включая шерифа.

Лицо Алёны красноречиво говорило, что она была не в курсе.

– Да, все они уезжали на заработки в Киев, – продолжил Петро. – На Майдан. Там обещали хорошие деньги, а в итоге подмешивали в чай кукую-то дрянью. Теперь у многих зависимость и проблемы со здоровьем. Больше десяти молодых парней умерло от инфарктов.

– Ты всё это выдумываешь, – покачала головой девушка. – Решил напугать меня страшилкой на ночном кладбище?

– Это правда, – спокойно ответил Динцев, пыхтя сигаретой. – Разумеется, в новостях о таком ты не услышишь.

– А сам ты почему не поехал тогда на Майдан?

– Я же говорю – у меня частично парализованный отец. К тому же, – на мгновение он взвесил необходимость следующего признания, – я был изначально против переворота. В прошлый раз он ни к чему хорошему не привёл, а в этот будет ещё хуже.

– У меня такое впечатление, что тебе не двадцать пять, а сорок, – усмехнулась Алёна.

– Мне двадцать три.

– Тем более. Мне вообще не интересна эта грязная политика, если честно.

– Предположу, что ты из состоятельной семьи, – сказал Петро. – Живёшь в достатке, ни о чём, коме развлекух, не заботишься. Не жизнь, а сказка. Зачем тебе думать о государственных делах?

Губы девушки сжались. Динцев понял, что уязвил её своим предположением. Значит, попал в яблочко.

– Не тебе меня судить, деревенский сторож, – надменно бросила Алёна.

– Бог вам судья, барышня, – ответил Петро.

Она упёрла руки в бока:

– Нет, ты так говоришь, будто я совершила этот переворот! Или подмешивала наркотики в чай твоему другу шерифу.

– Ладно, не заводись, – поспешил успокоить её Динцев. – Просто мы из разных миров. Не будем больше об этом.

– Согласна.

Но разговор на другую тему уже не клеился. Возможность вернуться в вагончик у них появилась спустя пятнадцать минут – когда стоны прекратились.

– Кажется, они справились, – сказал Петро и постучал в дверь. В ответ раздалось: «Давно пора».

Динцев зашёл внутрь и ощутил спёртый воздух, пропитанный запахом секса, теплом и потом. Он тут же ринулся открывать окно. Затравкин успел натянуть штаны и с сигаретой и голым торсом сидел на диване возле измученной Светы. Та уткнулась лицом в подушку и сопела.

– Оттянулись? – как строгая учительница спросила Алёна. Дмитрий довольно кивнул.

– Меня опять начинает вырубать, – сказал он, спешно туша сигарету. – Как же хочется спать.

Он заснул, а Петро и Алёна стали думать, что им теперь делать с этими двумя оттянувшимися и обдолбанными телами.

– Пусть отсыплются, – предложил Динцев. – Ты водить умеешь? С тазом справишься?

– С чем?

– С его «девяткой». – Он показал на Затравкина.

Алёна кивнула. И тут же поинтересовалась:

– Только прав с собой нет. И промилей много, как ты понимаешь. У меня проблем не будет?

– Все твои потенциальные проблемы сейчас видят седьмой сон.

Петро проверил рубашку милиционера. Не найдя в ней ключей, он полез к Затравкину в карманы брюк.

– Ручонки прочь от советской власти! – Шериф тут же проснулся и едва не подскочил. – Что такое?

– О, быстро оклемался. – Динцев демонстративно убрал руки, словно его застукали за совершением преступления. – Сам повезёшь девушек домой? Или ты ещё спишь?

– А долго я проспал? – Дмитрий помассировал лоб, силясь привести мысли в порядок.

– Сложно сказать. Ты хоть помнишь, что было?

Затравкин задумался. Всерьёз и надолго.

– Мы приняли эти таблетки, – начал он. – Потом меня вырубил и приснился сон о нас. А ещё... – Он посмотрел на продолжающую спать Свету.

– А ещё о вашей близости, да? – пророчески спросил Петро. – Только обрадую тебя – всё это не было сном.

– Как? – испугался шериф. – Что, мы с ней...

– Ещё и нас хотели привлечь, – не преминула вставить Алёна.

– Привлекают к ответственности, – раздражённо бросил Затравкин и потянулся за рубашкой. – Выходит, эта дрянь реально работает?

– Не знаю. Опиши ощущения.

– Ну... Я думал, это всё мне снится. Но ещё тогда мне показалось – уж больно реалистичный сон.

– А ты отдавал отчёт своим действиям? – спросила Алёна.

Затравкин вновь задумался. Затем выдал безрезультатный итог своих дум – молча пожал плечами, а Петро вспомнил кое-что ещё.

– Помнишь, как ты городил корову на баню про Интерпол и какого-то мексиканца?

– Серьёзно? – удивился Затравкин. – Этого не помню.

Вскоре к их обсуждению присоединилась и запоздавшая с пробуждением Света. Хотя оставалось неясно – это она запоздала или Затравкин опередил события? Света не рассказала ничего полезного. Более того, она даже не помнила факта совокупления с блюстителем правопорядка. Как итог – не слишком обрадовалась, узнав о нём.

– Почему ты меня не остановила? – гневно насела она на подругу.

– Я пыталась! Но разве тебя возможно остановить, когда речь идёт о мужиках?

Последовавшее молчание давало вполне однозначный ответ.

– Не смотри так на меня, крошка, – сказал Затравкин. – У нас всё было по обоюдному согласию, если тебя это утешит.

– Наверно, нам пора. – Света поправила блузку. – Спасибо за приятный вечер.

Петро не понял, к кому больше относилась данная благодарность. Наверное, к обоим парням. Он не стал их задерживать. Вечер и впрямь удался на славу – куда лучше одинокой дремоты в окружении могил.

Света и Дмитрий ушли по-английски, а Алёна, задержавшись на пороге, сказала Динцеву «пока» и растворилась в кладбищенской ночи.

19 июня

Утром следующего дня Пётр Динцев сменился на посту стража могил (так они со сменщиком называли свою должность) и на велосипеде поехал домой.

По пути он встретил Ирину, спешно семенящую в школьный лагерь. Она работала учительницей в местной школе, поэтому у Петро всегда при себе имелся аргумент для встречи – освежить заповищенные знания начальных классов. В тот знаковый день он очутился на её сеновале именно под таким предлогом. Важно, что ей он показался вполне убедительным. И предлог, и Динцев.

– Привет, детка, – поздоровался он. – Есть минутка?

– Не сейчас, Петь, – бросила она, не сбавляя темпа. – Я и так опаздываю.

– Как всегда. Муж, дела.

– Когда-нибудь тебе тоже придётся повзрослеть.

И вновь испорченное настроение с утра пораньше. С чего вдруг он так на неё запал?

– Чёрт с тобой, – пробубнил Петро, когда Ира отошла на значительное расстояние. – Может, хоть сегодня удастся заснуть?

Но полноценно заснуть не удавалось, несмотря на адское желание спать. Максимум, чего он добился от самого себя – пресловутого состояния полусна.

– Это какое-то проклятие! – Динцев с силой ударил подушку, словно она являла собой сгусток причин всех его невзгод.

От постели его оторвал звонок Затравкина. Дмитрий предложил встретиться, чтобы обсудить какое-то дело. Чуть позже выяснилось, что именно он имел в виду.

– Я сегодня ездил в аптеку, – сказал он, когда они расположились на скамейке возле дома Петро. Оттуда открывался вид сиротской поляны. – «Слипинцвейг» уже продаётся там по двадцать гривен за пилюлю. Первые три – всем сельчанам бесплатно. Видел бы ты, какой возник ажиотаж.

– Неужели? – удивился Динцев. – Быстро он сработал.

Петро раздражённо отмахнулся от навязчивой осы, летающей вокруг него. Он подумал, что навязчивыми для него становятся и мысли о пилюлях.

– Сегодня лекция сорвалась из-за каких-то непредвиденных дел Розенцвейга, – продолжил милиционер. – С Петренко и председателем сельсовета он побеседовал ещё вчера, и те, как я понял, не против распространения «Слипинцвейга» в Изнанке.

– Интересно, они беседовали наяву или в полусне?

Затравкин скривил рот в фирменной полуулыбке. Скоро всё здесь получить приставку «полу», подумал Динцев и устало вздохнул.

– Света и Алёна в порядке? – спросил он.

– Не спрашивал. Они уехали утренним автобусом. – Дмитрий пренебрежительно сплюнул. – Походу, мы им здорово насолили вчера.

– Мы?

– Ну, ты же тоже присутствовал. Ладно, я принёс тебе твою бесплатную дозу препарата. – Затравкин вытащил точно такой же пакетик с тремя пилюлями, какой был у него вчера и бросил на лавку ближе к Петро. – Можем принять сейчас вместе.

– Я всё же не уверен, что это хорошая идея.

– Да что ты очкуешь. Запарил, – поддевал его Затравкин, готовясь принять пилюлю. – Со мной ведь всё в порядке. К тому же, со временем ты начинаешь лучше контролировать себя.

Он проглотил пилюлю и запил водой из стоящей неподалёку колонки. Затем присел на лавочку и боком упёрся в широкий ствол дуба, дабы не упасть при засыпании. Процесс

начался, как и в прошлый раз, примерно через минуту. Дмитрий сначала заснул, потом пробудился и вяло поднял голову, глядя на стоящего перед ним Петро.

– Ну, как? – с нетерпением спросил Динцев.

– Что – как?

– Ты сейчас спишь?

– Разве? – Затравкин посмотрел на свои руки, затем окинул взглядом окружающую местность. – А где Райкконен?

– Кто?

– Кими. Гонщик. У него должна состояться автограф-сессия.

Петро разочарованно вздохнул.

– Это тебе приснилось. Откуда ему здесь взяться?

Дмитрий решительно встал. Его почти не качало.

– Чёрт! – сказал он. – Я чувствую себя бодрячком. А ведь я сплю, мать его! И осознаю. Точно тебе говорю, «Слипинцвейг» работает как часы!

Воодушевлённый шериф отправился по тропинке куда-то вглубь сада. Походкой, вполне достойной бодрствующего человека.

20 июня

Следующим утром Петро узнал, на что использовались первые бесплатные экземпляры пилюль многими сельчанами мужского пола. На днях начался сенокос. Но у отца и сына Динцевых скота не имелось, поэтому Петро в нём участия не принимал. Что не помешало ему увидеть весьма экзотичную картину ранним утром: трое мужчин и один подросток лет пятнадцати косили траву на поляне прямо напротив дома Динцева.

Сама по себе ситуация не заслуживала никакого внимания, каждый год эта семья косила траву на той поляне, и за многие годы Петро во всех деталях сумел изучить технику работы косой. В этот раз все четверо косили иначе, словно управляли своими телами дистанционно, из соседней усадьбы. Поэтому некоторые движения получались вялыми и заторможенными. Руки походили на естественные придатки рукояток кос – такие же негнущиеся и деревянные. Но больше всего Петро озадачил другой факт: никто из косарей не шевелил головами. Те упирались в грудь, как посаженные на шеи тыквы. Вряд ли из такого положения можно было видеть что-то кроме небольшого участка травы перед ногами.

Динцеву стало любопытно узнать о феномене спящих сенокосцев из первых уст (а в том, что они спали, он не сомневался), поэтому он не спеша оделся, грубыми кусками нарезал себе два бутерброда с колбасой и сыром и, поедая их на ходу, отправился на поляну.

Когда Петро оказался в нескольких шагах от первого из работяг, он остановился и поздоровался. Ответа не прозвучало, косарь всё так же монотонно двигался в направлении Динцева, не поднимая головы. Если бы Петро не отошёл в сторону, то коса прошла бы по его ногам.

– Эй! – крикнул он. – Совсем сдурил?

На мгновение мужик замер, затем продолжил выполнять свою работу. Остальные тоже не обращали на Петро внимания. Они косили, заготавливали корм на зиму для скота, а беседы с посторонними не входили в их установку. Зомби, настоящие зомби, подумал Петро и поспешил убраться из опасной зоны.

Он зашёл в дом и заглянул в комнату к отцу. Обычно в это время тот начинал утреннюю зарядку, тщетно пытаясь вернуть подвижность парализованной стороне тела. Иногда читал газеты, но крайне редко его можно было обнаружить спящим после семи утра. А сейчас он спал и даже не услышал с шумом вошедшего в дом Петро. Потерял чуткость сна, спит дольше обычного – констатировал Петро и вскоре обнаружил причину подобных изменений. На тумбочке возле кровати стояло маленькое белое блюдце, а в ней лежали две светлые пилюли. Куда делась третья, Динцев догадался без труда. Интересно, кто ему их принёс? Сосед, скорее всего.

Петро вернулся к себе в комнату и плюхнулся на пружинную кровать. С одной стороны, бессонница это хорошо, думал он. У тебя появляется куча свободного времени, которое ты можешь использовать. Ты не прикован несколько часов в сутки к постели, не вычёркиваешь эти часы из своей жизни. Ведь именно такой прок, если разобраться, должен обеспечивать «Слипинцевейг». Однако в случае с бессонницей ты реально бодрствуешь круглосуточно, организм и мозг никак не отдыхают, а это, как ни крути, вредно. Хоть некоторые считают, что человек имеет феноменальную способность привыкать к чему угодно. С пилюлями – другое дело. По уверениям Затравкина, мозг задействовал скрытые ресурсы, а частично при этом отдыхал.

Размышления подтолкнули Петра Динцева к отчаянному, на его взгляд, шагу – принять пилюлю для полусна. Он надеялся, что это поможет его организму отдохнуть хотя бы отчасти, а в идеале он просто заснёт и всё время действия препарата проведёт в состоянии полноценного сна. Он вытащил из кармана пакетик с пилюлями и принял одну. Запил стаканом родниковой воды и уселся на кровать. Через минуту, как по расписанию, его начало клонить в сон. Наконец, он испытал чувство блаженной сонливости, плавно перетекающее в засыпание. Оно

казалось ему щедрым вознаграждением за недельное бодрствование. Тело обволокла приятная расслабленность, веки налились свинцовой тяжестью, а сознание постепенно угасло.

Петро успел почувствовать, как бесконтрольно перекатился на бок и упёрся лицом в мягкую подушку. Затем он оказался в бесцветном вакууме, потеряв ощущение времени. Он не видел снов, не осознавал, что спит. Его состояние походило скорее на наркоз.

Он не знал, сколь долго оно продлилось и продолжало бы длиться, не разбуди его визг тормозов. Петро с трудом открыл глаза и с ещё большим трудом оторвал голову от подушки. В открытое окно проливался яркий солнечный свет вперемешку с шумовым миксом из голов, смеха и скрипа открывающихся металлических ворот. Динцев сразу узнал этот неприятный скрип – последние годы его раздавали соседские ворота. Петро взглянул на часы – без трёх минут полдень. Стало быть, проспал он не менее четырёх часов. Могло быть ещё больше, если бы не сосед.

Динцев раздражённо откинул занавеску и посмотрел на улицу. Фёдор Зубарев, муж Ирины, что-то бормоча себе под нос, вернулся в старую белую «волгу» и загнал её во двор. На пассажирском месте Петро разглядел какую-то женщину, явно не жену, судя по белокурым локонам и острому профилю.

– Так-так, – прикинул он, – Федя решил пошалить?

Динцев умылся, причёсался и вышел из дома полным решимости навестить Иру в школьном лагере. Наверняка, ей не помешает узнать о внеурочных забавах мужа, который вряд ли догадывался о внеурочных забавах жены. Но это его проблемы. Как говорится, не пойман – не вор, а раз пойман – значит, верни украденное. Почему-то Иру Петро воспринимал как украденную у него собственность. А её законного мужа – как вора.

Петро оседлал горный велосипед и помчался по просёлочным дорогам в направлении школы. Но его маршрут скорректировал густой дым, вздымающийся к небу откуда-то из глубины деревни. Горело нечто большое, возможно, здание. Динцев без раздумий поехал туда. Назревающий пожар в семье Зубаревых, который он собирался разжечь, ещё успеет порадовать и согреть Петро ярким пламенем ссор, подозрений и, чем чёрт не шутит, разводом. Поэтому можно позволить себе отлучиться на другой пожар.

Подъезжая к месту, Динцев понял, что горит церковь. Кругом бегали десятки людей, через секунду по округе разнеслась сирена. В каком-то веке пожарные успеют приехать вовремя, чтобы тушить горящее здание, а не догорающие угли, подумал Петро и слез с велосипеда. Подъезжать ближе он не решился – раздуваемое ветром пламя величественно бушевало и словно пыталось отогнать подальше собирающихся вокруг зевак.

Пожарные недолго боролись с огнём, успевшим ухватиться ещё и за рядом стоящий дом. Пострадала преимущественно верхняя часть церкви, а нижняя половина частично уцелела. Внутри нашли лишь одно мёртвое тело. Пламя не добралось до девушки, но от едкого дыма ей спастись не удалось. Когда её вынесли наружу, Петро на какое-то время обомлел и не мог поверить в то, что видели его глаза. Это была Анжелика.

– Теперь она станет для тебя мёртвым пережитком прошлого в прямом смысле слова, – сказал Затравкин, когда похоронная процессия вступила в финальную стадию захоронения.

По злой иронии в этот день Динцев дежурил. Он ничего не ответил. Прошли сутки, а он до сих пор не мог поверить в случившееся. О причинах не думал тем более.

Анжелика лежала в гробу, обшитом дешёвой бордовой тканью, такая же красивая, как и годом ранее, когда между ними бушевали чувства любви и страсти. Тот огонь поглощал её целиком и надолго, а вчерашнее пламя не тронуло ни сантиметра гладкой загорелой кожи, и почему-то это обстоятельство ещё больше расстроило Петро. Лучше бы она сторела, кремировалась и превратилась в золу, думал он, потому что сейчас её закопают всё равно что живой.

Многие не сдерживали слёз, родственники – рыданий, а Петро смотрел на происходящее стеклянными ледяными глазами без зрачков. На мгновение он встретился взглядом с Ириной. Теперь ему захотелось возобладать ею ещё больше, потому что подсознательно в нём усилился страх потерять её навсегда. В семейной рутине, в чужих объятиях или в очередном пожаре. Он не мог себе позволить потерять её.

После похорон он подошёл к Фёдору и шепнул тому отойти в сторонку для разговора.

– В чём дело? – спросил Зубарев.

– Я знаю, что ты изменяешь жене, – спокойно ответил Петро. – Ты её не любишь?

Фёдор изменился в лице, обрастая удивлением и озлобленностью одновременно.

– Что ты такое несёшь??

– Ладно, я всё видел. Как ты привёз домой какую-то белокурую выдру вчера днём. Как раз перед пожаром.

– Мальчик, – Зубарев нахохлился как петух перед боем, – а не пойти бы тебе куда подальше со своими видениями? Видел он. Я вчера весь день до пожара был на покосе.

– Косил мужикам байки о том, как ты был на покосе? Хорошо, не хочешь сознаваться, я обсужу это с кем-нибудь ещё.

Динцев развернулся, чтобы уйти, но Фёдор схватил его за локоть.

– Стой! Если навешаешь своей лапши Ире на уши, я сделаю из тебя удобрение!

– Даже так?

Петро не сдержал ухмылки. Он был на полголовы выше соперника и килограмм на двадцать тяжелее. Да и физической формой явно превосходил.

– Может, ты наелся этих таблеток и тебе всё приснилось? – спросил Зубарев, отпустив локоть Динцева.

– Или ты их наелся перед покосом, а потом в полусне привёл домой чужую бабу. Почему нет?

Фёдор ничего не возразил. Если он принимал пилюли с утра, то вполне мог скорректировать свои рабочие планы по настоящему скрытых мозговых ресурсов. Наверняка мысли о других женщинах периодически посещали его мозг, а возможно, бесцеремонно поселились там давным-давно. Тогда во время первого адаптационного приёма Зубарев, по всей вероятности, не отдавал отчёт своим действиям. Петро счёл такую версию правдоподобной.

– Напряги память. Когда вспомнишь – дай мне знать, – сказал Динцев и оставил встревоженного соседа в молчаливом недоумении.

Петро вернулся в вагончик. Ему хотелось, чтобы этот день поскорее закончился. Лучше сидеть тут в окружении могил, чем скорбящих. Он с детства ненавидел похороны, но чем сильнее становилась его ненависть, тем чаще ему приходилось на них присутствовать. С недавних пор он присутствовал на них очень часто.

Динцев вытащил из кармана пакетик с двумя пилюлями. Сейчас не время, лучше после того, как все разойдутся, решил он и убрал пакетик обратно.

Ближе к вечеру время настало, и он принял пилюлю.

Над Изнанкой сгущались сумерки, проникая во все складки лесного покрова, где затаилось неприметное деревенское кладбище. Петро разбудил звук ударившейся об окно ветки.

– Чёртово дерево, – пробубнил он, поднимаясь с дивана и настраивая сбившееся от нескольких часов сна равновесие.

На улице шалил ветер, нагоняя очередной дождь. Петро заварил чай и включил приёмник. Шла передача о человеческих отношениях, тема вечера как по заказу – бывшие любовники. Он тут же вспомнил Анжелику, а мысль о её неожиданной кончине так и не могла

пробраться до сознания Петро. Стучала, ломилась в закрытую дверь, но мозг не решался её впускать.

В дверь вагончика тихо постучали. Динцев прислушался. Стук повторился.

– Кого черти принесли на ночь глядя? – громко спросил он, перекивая ведущих шоу из радиоприёмника.

Ответа он не услышал, поэтому встал и подошёл к двери. В тот момент он не осознавал, что произнесённое на автомате выражение «черти принесли» окажется поистине пророческим. Он приоткрыл дверь и увидел на пороге красивую, аккуратно причёсанную и подкрашенную девушку. Он видел это лицо совсем недавно, только с закрытыми глазами, которые никогда не должны были открыться вновь. Но сейчас они были открыты во всю их бескрайнюю и пленяющую ширину. Перед Петро на пороге стояла Анжелика и смотрела на него холодным бесцветным взглядом. Точно таким же, каким он сам смотрел на неё на похоронах.

– Это невозможно! Я сплю! – Динцев отбежал в сторону и закрыл лицо руками.

Убрав их, он с ужасом обнаружил, что Анжелика вошла внутрь. Теперь он оказался в ловушке.

– Там становится холодно, – монотонным голосом, лишённым всякого налета эмоций, произнесла девушка. – Зачем они закопали меня, Петя?

Она продолжала смотреть будто сквозь.

– Потому что ты умерла! – закричал Динцев. Ему казалось, что собственный крик поможет разбудить и вытащить его из этого кошмара наяву.

– Но ведь это неправда, я жива. Скажи, у тебя остались ко мне чувства? Я вот всегда думаю о тебе.

Неудивительно, пронеслось в голове Петро, на том свете у тебя будет время тщательно подумать обо всех людях, с которыми тебя сводила судьба.

– Сейчас я люблю другую женщину, – сказал Петро, надеясь, что такое признание не побудит Анжелику наброситься на него в стиле дешёвых ужастиков.

– Ты можешь думать, что любишь кого угодно, но я всегда буду для тебя твоей главной любовью, – спокойствие и монотонность никуда не делись из голоса Анжелики. – Как и ты для меня. Мы созданы друг для друга, поэтому должны воссоединиться. Навеки. Пошли со мной.

Она протянула ему руки. Так вот зачем ты пришла сюда! – осознал Петро и почувствовал, как тело покрылось холодным липким потом. Хочешь затащить меня к себе в могилу? Не выйдет, деточка.

Динцев решительно вышел на улицу, грубо оттолкнув Анжелику. Там он вытащил из кармана мобильник и набрал номер Затравкина.

– Ты можешь приехать прямо сейчас?

– А в чём дело? – По голосу Дмитрия Петро понял, что шерифа он оторвал от сна. Или полусна, тут уже было сложно разобраться. – Тебе опять невероятно скучно одному?

– Я принял пилюлю, уже вторую, – признался Динцев. Но всей правды решил не озвучивать. – И мне снится какая-то борода. Не могу от неё избавиться.

– А, ну такое бывает, не обращай внимания. – Затравкин зевнул. – На третий-четвёртый раз начнёшь контролировать себя.

Петро посмотрел на вагончик. Дверь по-прежнему была распахнута настежь. Анжелику он не видел.

– Ладно, постараюсь справиться своими силами.

Он завершил разговор. У него моментально родился радикальный план по избавлению от навязчивого видения – отправить его туда, откуда оно к нему и явилось. Надо лишь взять лопату.

– Детка, придётся тебе кое-что уяснить. – Петро вернулся в вагончик. Смысл заканчивать начатую фразу потерялся в районе порога – внутри никого не оказалось.

Проблески ясного сознания? Петро взял фонарик и отправился на участок свежих захоронений. Могила Анжелики не изменилась с того момента, как её закопали, что говорило лишь об одном – оттуда никто не выбирался. Хотя в подобное Петро и не собирался верить.

Семена обратно, Динцев случайно навёл луч света на высокое надгробие, которого он не помнил прежде. На бугристом чёрном памятнике значилось какое-то знакомое имя. Точнее, фамилия. Роман Розенцвейг. Годы жизни: 1994 – 2004. Странно, подумал Петро и подошёл ближе. Могиле явно не один год, да и по дате об этом можно было судить с уверенностью, но почему он её не помнил?

Он долго всматривался в изображенное на памятнике лицо совсем молодого парня с длинными густыми волосами. Определённо, он где-то видел его раньше, но где? Смутные сомнения постепенно начали трансформироваться в уверенность. Из тёмных глубин памяти всплыли изображения старых газет, из которых Петро и узнал в своё время о кое-каких подробностях дела Сквозняка. Если его догадка верна, то личное дело Петра Динцева приобретало и вовсе неприлично пугающий оборот.

Петро ринулся в вагончик, отыскал в закромах макулатуры нужные вырезки и стал лихорадочно их перебирать. Он искал фотографию, в глубине души надеясь, что память его подвела и что на самом деле это два разных лица. Но нет, ошибка исключена – он нашёл газетный лист с чётко напечатанной портретной фотографией молодого парня с длинными волосами – Романа Сквозняцкого, сына кладбищенского стрелка. Складывалось ощущение, что рисунок на том памятнике делали с этого же фото.

Серое вещество формировало ужасную версию, а руки в этот момент сами произвольно потянулись за телефоном и набрали привычный номер.

– Ну что ещё? – недовольно проворчал Затравкин.

– Мне кажется, фармацевт Карл Розенцвейг – не тот, за кого себя выдаёт! – возбужденно выпалил Динцев.

– Ты о чём?

– Я нашёл могилу его сына, Романа. А он не кто иной, как сын Ежи Сквозняцкого! Ты понимаешь, что это означает?

Несколько секунд в обоих динамиках тлело гробовое молчание.

– Это означает лишь одно, – спокойно ответил шериф. – У тебя чересчур богатая фантазия. И она усилилась под действием препарата. Успокойся, дружище. И проспись.

– Хорошо, только скажи мне одну вещь – как умер Роман Сквозняцкий?

– Ты уже как-то спрашивал. Упал с лестницы и сломал себе шею.

– Его похоронили, потом Ежи раскопал могилу, устроил побоище и исчез вместе с телом сына. Так?

– Да.

– Борода какая-то.

– Согласен.

– Ты ведь знаешь, есть версия, что к его смерти были причастны те жители деревни, которых и расстрелял Сквозняк, – не унимался Динцев. – Он мстил за сына.

– А ещё есть версия, что Сквозняцкого загипнотизировал некий ведьмак, – напомнил Дмитрий. – Версий полно, выбирай – не хочу. На что воображения хватит.

– Ты видел, как выглядит этот Розенцвейг?

– Нет. – Затравкин задумался. – Не, ты и впрямь считаешь, что к нам в деревню, прямиком из ада, явился Ежи Сквозняк в образе фармацевта с революционным изобретением европейских учёных? Дабы продолжить мстить за непонятную смерть своего сына. Ау, Петро, просыпайся! Аллё гараж, как ты говоришь.

– Но я видел...

– Плевать, что ты видел! – резко отрезал Затравкин. – Забудь, что ты видел! Это всё миражи. И могила его сына тебе тоже приснилась. Можешь сходить и проверить её утром. Убедишься, что я прав. А теперь не мешай мне спать! – Шериф прервал связь.

Откладывая проверку на утро Динцев не пожелал. Взяв в качестве оружия черенок от поломанной совковой лопаты и фонарик, он вновь отправился вглубь кладбища. Поиски могилы Романа Розенцвейга заняли двадцать минут, но ни к чему не привели.

– Борода какая-то, – пробормотал себе под нос Петро и вернулся в вагончик.

Пожалуй, достаточно с меня этих пилюль, твёрдо решил он. Остаток дежурства прошёл в относительно спокойном режиме. Относительно потому, что пару раз он всё же видел из окна ковыляющие между могил тени. Вряд ли они принадлежали кому-то материальному и земного происхождения. Тем не менее, до утра Петро так и не расстался с черенком от совковой лопаты.

21 июня

По окончании дежурства его никто не сменил. Телефоны обоих сменщиков не отвечали. Андрей Валерьевич и вовсе был недоступен для звонка. Беспокойство накаtywало всё настырнее, проявляясь в каждом жесте и брошенном в пустоту слове. Оставаться на кладбище Петро не желал более ни минуты. Пока он ехал домой, ему не встретилось ни одного человека. Все словно испарились. Даже старики покинули излюбленные лавочки.

Придя домой, он не обнаружил отца ни в комнате, ни в палисаднике. Исчез как и вся деревня.

Петро вновь потянулся за телефоном. По привычке набрал Затравкина, но тот не снял трубку. Да и как бы тот помог? Пока Петро думал, что ему делать дальше, из зала донёлся громкий смех. Фоново слышался шум работающего телевизора.

Стараясь шагать как можно тише, Динцев прокрался к залу и заглянул внутрь. Ещё одна неприятная находка ждала его прямо по центру комнаты – в массивном кресле расположился его старший брат Саша с голым торсом, в бейсболке и с бутылкой пива в руке. Он смотрел канал про животных и громко смеялся над мелькающими на экране утконосами.

– Не, ты посмотри на них, какие нелепые создания. – Саша Динцев ткнул пультом в сторону телевизора, а сам даже не взглянул на вошедшего.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Петро. Вопрос изрядно удивил брата.

– Отдыхаю. Нельзя?

– Но ты же... – Петро понял, что нет смысла пытаться что-то доказать ни брату, ни даже самому себе. Человек, заключённый в тюрьме в двухстах километрах от села, сейчас сидел перед телевизором, пил пиво и смеялся. Неужели «Слипинцвейг» так долго воздействует на мозг?

Не говоря больше ни слова, Петро выбежал из дома и похлопал себя по щекам.

– Просыпайся, чёрт тебя дери! Я же сплю? И хожу наяву?

Петро вышел на дорогу и отправился в сторону центра. Появление соседа Фёдора, резко выбежавшего из-за поворота с вытаращенными глазами, напугало и успокоило одновременно. По крайней мере, встретился хоть кто-то живой.

– Беги! – закричал Федор. – Скорее, они приближаются!

– Кто? – Петро было поддался перекочевавшей от соседа панике, но быстро опомнился. – Ты под «Слипинцвейгом»?

– Я не знаю, но там целый батальон фрицев! Они перестреляли всю деревню, теперь отстреливают уцелевших.

– Фрицы? Те, что из сорок первого? – Почему-то с языка сорвался именно этот год.

– Я не спрашивал!

Запуганность Фёдора не ставилась под сомнение. Он и впрямь мог видеть батальон вооружённых немецких солдат образца 1941 года, но каждый из этого батальона был не реальнее, чем восставшая прошлой ночью из мира мёртвых Анжелика.

– Успокойся, сосед. – Петро не сдвинулся с места, демонстрируя полную уверенность. – Там никого нет, тебе это приснилось.

– Я видел, как они расстреливали людей!.. – Фёдор напряжённо всматривался туда, откуда он прибежал. Пока что из-за поворота никто не появлялся.

– Я верю, что ты видел это, – сказал Петро. – Я тоже видел кое-что невероятное. Оно казалось таким же реальным, как и сама реальность. Прислушайся, никаких звуков, воплей и выстрелов.

Зубарев прислушался. Испуг немного спал с его лица.

– Это действие «Слипинцвейга»? – спросил он. – Но я принял пилюлю вчера вечером.

– Вероятно, чтобы погрузиться в этот мир, достаточно и первой дозы.

Петро понял, что встретил брата по несчастью, поэтому не стал скрывать от него всех приключившихся с ним галлюциногенных перипетий. Он рассказал про Анжелику и брата Сашу.

– Значит, моя измена тебе тоже предвиделась, – заключил Фёдор, когда они вернулись к своим домам. – Ты ведь увидел меня с той женщиной как раз после приёма пилюли?

– Да. Но тогда я решил, что проснулся. Но ты ведь тоже был под «Слипинцвейгом» в то утро. Мог и не запомнить о маленьком любовном приключении.

На секунду Фёдор задумался, затем покачал головой:

– Нет, на пожар я ведь прибежал со стороны поля, а не из дома.

– А был ли пожар? – осенило Динцева.

– Конечно, был! Его-то видели все.

– Ага, а ещё все при этом наверняка находились под препаратом фармацевта.

Фёдор помассировал виски.

– Что же получается – коллективный сон? Или переплетение снов?

– Не знаю, – сказал Петро и кивнул в сторону соседского гаража. – Я думаю, нам стоит съездить в город и привезти оттуда человека, не принимавшего пилюль для полусна, чтобы он объективно оценил обстановку.

– А может, нам лучше разыскать этого Розенцвейга?

– У меня давно появилась такая мысль, но где его искать? – Петро принял позу мыслителя. – Нереальные эпизоды вторгаются в наше сознание, а потом исчезают. Или заменяются другими...

– И как с ними бороться?

Динцев пожал плечами.

– Думаю, нам пока стоит держаться вместе. Поехали к Затравкину. Кстати, где твоя жена?

– В лагере, как обычно.

– За ней тоже заедем. И отправимся в город.

Пока Фёдор прогревал и выгонял «волгу» из гаража, Петро выкурил три сигареты, обдумывая наилучший план действий. Наилучшего плана на ум не приходило, поэтому пришлось пользоваться имеющимся. Он заглянул в дом. Брат исчез, неработающий телевизор покоился на тумбочке. А чего он ещё ожидал?

Петро забрался в просторный салон «волги», опустил стекло и закурил очередную сигарету.

– Может, не стоит столько курить? – поинтересовался Федор. – Не хватало ещё откачивать тебя от никотинового отравления.

– Не парься, я не в затыг.

Через десять минут они подъехали к дому Затравкина. Не успели остановиться, как раздался выстрел. Пуля пробила левую фару.

– Ближе не подъезжать! – закричал Дмитрий, целясь из приоткрытого окна. – Кастелано с вами?

Петро инстинктивно пригнулся, а затем медленно поднял голову.

– Шериф, ты с ума сошёл стрелять!?! – завопил Зубарев. – Это же мы!

– Не поможет, – шепнул Петро. – Он в глубоком сне. Надо сваливать.

– Повторяю вопрос – Кастелано с вами? Вы привезли эту мексиканскую мразь? – продолжал кричать Затравкин.

Фёдор молниеносно включил первую передачу, максимально вывернул руль и резко стартовал. «Волга» рванула с места, кренясь и поднимая клубы дорожной пыли. Выстрелы посыпались один за другим. Несколько пуль попали в кузов.

– Ебанный в рот! – Голос Фёдора возвысился до фальцета. – Нас чуть не застрелил собственный шериф!

– Похоже, об адаптации к препарату не идёт и речи, – сказал Петро. – Его разум поглощён снами, которые он отчётливо видит наяву.

– Ты точно прав в одном – из села надо уносить ноги как можно скорее.

«Волга» неслась по ухабам просёлочных дорог как в ралли-рейде. Зубарев остановился возле школы и выскочил из машины.

– Надеюсь, Ирка не захочет меня убить, – бросил он, обернувшись.

Петро остался ждать снаружи. Он открыл дверь, вышел и осмотрел пулевые отверстия на кузове. Почти как в боевиках, подумал он. Через две минуты вернулся Зубарев. Без жены, но с озабоченным видом.

– В чём дело? – тут же спросил Петро, вцепившись руками в плечи соседа.

Одна только мысль, что с Ирой что-то произошло, заставила его потерять всё накопленное с таким трудом самообладание.

– Вахтёрша сказала, что с утра она поехала на озеро, чтобы стрелять по крокодилам. Так и сказала. И при этом спокойно подметала пол.

– Дьявол! – выругался Динцев. – Неужели в Изнанке все сошли с ума! Какие крокодилы?

– Ты же сам сказал – галлюцинации, сны, – напомнил Фёдор. – Надо спешить.

– Поехали. – Петро сел обратно в машину.

Полпути до озера они ехали молча. Фёдор сосредоточенно смотрел на дорогу, а Петро рассматривал проносящиеся мимо дома. Несколько раз он увидел шествующих на некотором отдалении людей.

– Я думаю, над нами поставили эксперимент, – высказал предположение Зубарев. – Нас хотят превратить в зомби и контролировать с помощью снов. Фармацевт – лишь исполнитель, за ним наверняка стоят могущественные корпорации. – Он посмотрел на Динцева. – У тебя есть опыт борьбы с такими корпорациями?

– Нет.

– У меня тоже.

Зубарев открыл окно со своей стороны на максимум и плюнул с таким раздражением, будто вобрал в плевков весь накопленный за сутки негатив.

– Да пошли они в анал! Я не подписывался на роль лабораторной крысы, – заявил он.

Петро ничего не ответил. Он молчаливо обдумывал вариант причастности к происходящему Ежи Сквозняка. Насколько он невероятнее варианта с причастностью могущественных корпораций, поставивших эксперимент? Кто прав, а кому лишь снится сон? И где заканчиваются сны и начинается реальность? Ни одного ответа за плечами, ни одного достоверного факта. Сплошные домыслы и предположения слепых мышат в клетке.

Они подъехали к лесу, в котором находилось главное деревенское озеро. Никто не захотел ломать голову над названием, поэтому оно так и называлось – Лесное. Обычно в жаркую погоду на нём роилось столько людей, что у местных комаров наступал пир. В этот раз, несмотря на жару, прилегающие беседки и поляны с многократно использованными кострищами пустовали. Из-за поваленного посреди узкой дорожки бревна машину пришлось оставить метров за пятьдесят до озера. Петро спешно выбежал из машины, лихо перепрыгнул бревно и побежал вперед с такой скоростью, будто в опасности находилась жизнь его жены, а не соседской. Фёдор старался не отставать.

Картина, увиденная ими на бревенчатом мостике, плавно уходящем прямо под воду, заставила остановиться обоих. Ирина стояла одна, по щиколотку в воде и смотрела на усеянную водомерками поверхность лесного озера. В руке она держала ружьё, с которым её муж охотился на дичь последние сезоны.

– Пупсик, зачем ты взяла моё ружьё? – как можно мягче спросил Фёдор.

Ирина повернулась. Петро дал бы голову на отсечение, что видел точно такой же заморозивший взгляд и лишённое всяких эмоциональных красок лицо у Анжелики. Его женщины начинали смотреть на него как мёртвые пережитки прошлого, и ему не нравилась такая тенденция. Но ещё больше ему не понравилось наличие ружья в неловкой сцене встречи трёх углов классического любовного треугольника. Оно даже не висело на стене, а находилось в руках женщины, что не являлось добрым знаком. Худшие опасения начали подтверждаться, когда Ира взяла их обоих на прицел.

– Детка, опусти ствол, – решил попробовать и Петро. Её лицо тут же покрылось багровой коркой гнева.

– Ты – старый тюфяк! – едко бросила она Зубареву. – Под твоим носом молодой жеребец окучивает жену, а тебе хоть бы хны! Потому что я никогда не была у тебя на первом месте. Охота, рыбалка, хоккей, футбол – что угодно, но не я.

– Пупсик, успокойся, – Фёдор запнулся, не зная, что на это ответить. Ответил Петро:

– Ира, мы можем обсудить всё в дороге, но сейчас нам стоит уехать из деревни. Как можно скорее.

– Уехать? – удивилась Ирина. – Я никуда не поеду, – затем уточнила: – С вами двумя. Одного придётся убрать.

Она приняла задумчивый вид, словно выбирала в кого пустить пулю.

– Ты под «Слипинцвейгом»? – поспешил спросить Петро. – Пожалуйста, не поддавайся его влиянию.

– Да, это всё чертовы пилюли! – подхватил Фёдор. – Тебе нехорошо, опусти ружье, я помогу тебе.

Динцеву показалось, что именно последняя фраза почему-то вызвала в Ирине повторный приток гнева. Она что-то зло пробормотала себе под нос и выстрелила. Пуля угодила Зубареву в грудь и отбросила того в ближайшие кусты. Сама Ирина от отдачи не устояла на скользком и шатком деревянном краю и с криком упала в воду, выронив ружье на мостик. Петро тут же кинулся в воду, чтобы помочь ей всплыть. Оказавшись в его объятиях, она, мокрая и будто пробудившаяся, задрожала от страха и стала хватать ртом воздух. Он вытащил её обратно на мостик, не забыв при этом самому взять ружье от греха подальше.

– Я его убила? – спросила Ира, и по её лицу заструились слёзы, хоть она и не плакала. Может, это была просто вода.

– Не знаю, – сказал Петро и подошёл к кустарнику. Фёдор лежал без движения с развороченной грудной. Даже самая быстрая реанимация в мире не смогла бы его откачать. – Ты не виновата. Виноват препарат.

– Что со мной происходит? – Теперь, кажется, она начинала не просто плакать, а рыдать.

– Со всеми, – уточнил Петро. – Все, кто принимал пилюли для полусна, запутались в своих снах. Поэтому нам и стоит как можно скорее уехать. – Он взял её за руку. – Пошли.

Она согласилась. Петро постарался как можно быстрее провести Иру мимо кустарника, в котором нынче покоился её бывший муж, усадил в машину, оказавшуюся незапертой, а сам вернулся к телу и достал из кармана его штанов ключи от «волги».

– Прости, сосед, – прошептал Динцев, – что я забираю у тебя сразу жену, машину и любимое ружье.

Когда они выехали на асфальтированную дорогу, Петро тут же увеличил скорость. Теперь они неслись к спасительному шоссе быстрее ста километров в час.

– Я хочу есть, – вдруг сказала Ира. От былой печали не осталось и следа. Динцев испугался, что она вновь впала во власть подсознания.

– Как только приедем в город, я куплю тебе самый большой хот-дог, – сказал он, ещё увеличив скорость.

– Но я не хочу хот-дог! – Теперь эта тридцатилетняя женщина напоминала Петро обиженного ребёнка. Или, точнее, убийцу с лицом ребёнка. Что несколько меняло дело. – Я предпочитаю питаться в элитных ресторанах, где официанты в белоснежных рубашках ходят как по струнке.

– Хорошо, мы пойдём в самый дорогой ресторан, – согласился Петро.

Отсутствие денег даже на самый паршивый ресторан города не являлось проблемой в сравнении с опасностью на пассажирском сидении. Ира немного успокоилась. Она стала обдумывать свой заказ:

– Я закажу себе королевских креветок. Это в первую очередь. Вино только лучшее. Шардоне.

Динцев почувствовал, как покрывается мурашками. Она только что убила мужа и спокойно рассуждала о еде. С той же лёгкостью она могла всадить ему нож в горло, продолжая выбирать в уме вино. Не лучше ли было оставить её возле озера? – спросил он себя и тут же категорично ответил: – не лучше. О таком варианте не могло идти и речи.

– Тормози! – закричала Ира.

Петро вернулся к дороге и обнаружил, что та уходила в некое чёрное облако. Оно заволокло впереди всё, во всю ширину и высоту обзора. Вплоть до вершины неба. Но разглядеть это он смог лишь сейчас.

– Что это? – Петро успел остановить «волгу» метров за тридцать до границы, где асфальт покрывался тёмной газообразной массой. И вновь он сам ответил: – Нам отрезали путь.

– Кто? – спросила напуганная Ирина.

По крайней мере, отметил Петро, сейчас её эмоции не шли вразрез с той действительностью, которую они оба видели.

– Те, кто снабдил всю деревню пилюлями для полусна.

– Карл Розенцвейг?

– Имена не имеют значения. Они могут быть такими же ненастоящими, как и всё остальное.

Петро осторожно вышел из машины и немного приблизился к облаку. Ирина лишь открыла дверь и слегка привстала.

– Не подходи близко!

– Не буду. Но, возможно, там ничего и нет. Очередная иллюзия.

– Лучше не проверять.

Петро засомневался. Может, стоит попробовать выехать в другом направлении, в город поменьше? А если и там та же ситуация? Необходимо проверить.

– Поедем обратно, в сторону Мелового, – сказал Петро, садясь за руль. Он проверил количество бензина. Чуть меньше половины бака, должно хватить.

Отсутствие встречных и попутных машин стало настораживать Динцева ещё с того момента, как они впервые выехали на асфальт. Теперь же он всерьёз обеспокоился по этому поводу. Куда делись люди? Неужели все спали, и никто не заметил перемен? Худший вариант пришёл на ум ещё позже – спать могли они вдвоём, поэтому и не видели никого. Но тогда бы в них уже давно врезался кого-нибудь. Значит, дорога действительно пустовала.

Миновав Изнанку, через несколько километров Петро пришлось ещё раз применить экстренное торможение. В этот раз чёрный густой туман поджидал их за крутым виражом, скрываемый массивными высокими деревьями.

– Дьявол! – выругался Динцев. – Я так и думал. Нам не позволят уйти.

– Зачем они это делают с нами? – спросила Ирина. В её голосе чувствовалось отчаяние, перемешанное с отстраненностью.

Петро показалось, что она снова теряет контроль над собой.

– Я бы тоже хотел знать, – ответил он и развернул машину.

Пришлось возвращаться в село. Ехать сквозь чёрный туман Динцев не рискнул. В первую очередь, из-за Ирины. Они остановились недалеко от кладбища, где работал Петро.

– Нам стоит найти Карла Розенцвейга, – предложила Ирина. – Теперь только он – ключ к разгадке всего. Захочет он помогать или нет, но без знания истины мы как слепые кроты.

– Возможно, – согласился Петро, оценив проблески разума в спутнице. – Но как нам его найти?

Он тут же вспомнил про визитку фармацевта, которую Затравкин дал ему в первый вечер эксперимента. Давно пора было позвонить в этот Университет прикладной алхимии. При ясном сознании такой звонок мог бы хоть что-то прояснить, а сейчас была лотерея. И всё же попытать счастья стоило.

Петро вытащил визитку (хорошо, что он не сменил штаны с того вечера), набрал на мобильнике один из номеров и прислушался. Пошли гудки, но никто не снял трубку. Тогда он позвонил по второму, и там ему ответили.

– Алло, приёмная Университета прикладной алхимии, – раздался приятный женский голос.

– Здравствуйте, – не сразу ответил Петро. – Могу я поговорить с Карлом Розенцвейгом?

– А кто его спрашивает?

Динцев немного подумал, как лучше себя представить. В итоге не придумал ничего лучше:

– Один из его бывших студентов.

– Профессора сейчас нет в Университете, – последовал незамедлительный ответ. – Он уехал в командировку на неопределённый срок.

– В село Изнанка Полтавской области? Распространять некое революционное изобретение?

Девушка нисколько не растерялась. По крайней мере, этого нельзя было заметить по голосу:

– Вы звоните оттуда? Вам кажется, что происходят странные вещи? Не можете выехать из населённого пункта?

Петро заметил, как побелело лицо сидящей рядом Иры. Она всё слышала. Динамик в телефоне был что надо.

– Вам всё известно? – спросил он повышенным тоном. – Мы хотим выбраться из этого безумия! Люди пошодли с ума!

– Мы знаем. Лично вы тоже сошли с ума. Не думайте, что безумие вас не коснулось. Если вы ещё не поняли, то скоро поймёте. Взять даже этот разговор. Его нет, вы разговариваете с телефонными гудками, весь диалог – в вашей голове.

– Что? Не может быть.

– Удачи. Надеюсь, вы уцелеете.

Девушка, если она была, повесила трубку. Только после этого Петро услышал длинные гудки в динамике, хотя должен был слышать короткие. Очевидно, Ирина их слышала всё это время. Поэтому и побелела от страха. Теперь уже она боялась его, а не наоборот.

– Я ведь никому не дозвонился? – спросил Динцев и убрал от уха телефон. – Говорил сам с собой?

Ирина испуганно кивнула.

– Чёртов «Слипинцвейг»! – Петро со всего маха выбросил мобильник в открытое окно. В сложившихся обстоятельствах от него проку было не больше, чем от местного шерифа. – Мы влипли.

Через секунду Петро пожалел, что оголил постигшее его отчаяние перед Ириной. Ему следовало бы излучать уверенность в каждом слове и поступке. Тогда, может, у них действительно появился бы шанс на спасение.

– Что нам делать? – спросила Ира.

Динцев ничего не ответил. Он пристально наблюдал за появившейся из-за ближайшего дерева фигурой. Человек в тёмной одежде с перекошенными на левую сторону плечами и повисшей головой ковылял в их направлении. Ещё один бесполезный спящий, подумал Петро, но всё же открыл дверь и крикнул:

– Уважаемый, с вами всё в порядке?

Человек не ответил. Он продолжал приближаться. Присмотревшись получше, Петро в ужасе разглядел в ковыляющей фигуре живого мертвеца. Он его узнал, так как хорошо помнил, как две недели назад похоронили Ивана Солодова – отца его школьного товарища. Мужчина упал с лесов во время стройки, сломал себе позвоночник и шею. Обычно после таких повреждений и последующих похорон вам не приходится рассчитывать на встречу с усопшим. Но, учитывая эпизод с Анжеликой, Пётр Динцев подсознательно был готов увидеть ещё нескольких зомби в ближайшие сутки. Так оно и вышло. Переломанный Иван Солодов, посиневший и разбухший, неуклюже передвигался по короткой траве к «волге».

Когда его разглядела и Ирина, она вскрикнула и закрыла рот ладонями. Петро взял с заднего сидения ружьё, вышел из салона и прицелился.

– Ты меня понимаешь? – спросил он. – Стой на месте!

Зомби отреагировал на голос и ускорил темп передвижения. Но это увеличило лишь амплитуду колебания его конечностей, а не скорость. Динцев выстрелил Солодову в голову. Тело упало на траву и затихло. Петро подошёл ближе и внимательно осмотрел мертвеца. Странно, проанализировал он, Анжелика вела себя относительно разумно, а этот – как классический зомби.

– Кто это, Петя? – Ирина боялась даже выйти из машины.

– Ещё один оживший кошмар, – ответил Динцев и вернулся к «волге».

– Он же нереален, как и всё остальное?

– Хотелось бы так думать.

Едва он положил ружьё назад, как заметил ещё несколько фигур, появляющихся из леса. С каждой секундой их становилось всё больше.

– О Боже! – Ирина забилась в истерике. – Их десятки! Петя, поехали отсюда!

Трясущейся рукой Петро завёл двигатель. Мертвецы бежали со стороны кладбища, поэтому их было так много. Некоторые еле двигались, а некоторые, свеженькие, бежали как атлеты. «Волга» сорвалась с места как раз в тот момент, когда первые зомби набросились на кузов автомобиля, стуча по нему и ударяясь головами. Одному удалось зацепиться за установленный на крыше багажник. Свободной рукой мертвец попытался выбить заднее стекло. Раздался хруст ломающейся кости, однако зомби не остановился и продолжил наносить удары. Петро резко вильнул рулём, стараясь сбросить повисшего на багажнике пассажира, но тот вцепился мёртвой, как и он сам, хваткой.

– Держи руль! – крикнул Динцев Ире.

– Но... я не умею! Мы разобьёмся!

– Держи прямо, чёрт тебя дери! – Он больно схватил её за руку, после чего женщина вцепилась в рулевое колесо.

Петро пришлось опустить педаль газа, чтобы взять ружьё, высунуться в окно и выстрелить в мертвеца. Он не целился в голову, а просто выстрелил в туловище. Этого хватило, чтобы тело отлетело в сторону. Динцев быстро вернулся к управлению.

– Молодец, детка, – похвалил он Иру.

Они въехали в село. Петро сбавил скорость. Проезжая по центральной улице мимо церкви, он не смог не заметить удивительных метаморфозов и остановил машину. Церковь стояла в первозданном виде без всякого намёка на следы бушевавшего в ней пожара. Но что ещё казалось более невероятным и пугающим, так это ковёр из лежащих вокруг людей. Они

не двигались. От увиденной картины Ирина окончательно потеряла контроль над эмоциями, а вскоре и над мозгом – он отключился.

Петро взял ружьё, вышел и осторожно подошёл к ближайшему телу. На спине крупного мужчины расплывались два пятна уже застывшей крови. Пули, пронеслось в мозгу Динцева. Бегло осмотрев несколько прочих тел, он без труда определил причину смерти всех этих людей – их расстреляли.

«Там целый батальон фрицев! – вспомнил он слова своего соседа. – Они перестреляли всю деревню, теперь отстреливают уцелевших».

Не может быть – в очередной раз сказал сам себе Петро. Выходит, теперь он видел остатки сна Фёдора про немецких солдат, напавших на Изнанку? Если так, то напрашивалась очевидная теория – все находящиеся под «Слипинцвейгом» могли подвергаться воздействиям снов оказавшихся рядом людей. Видения постоянно перемешивались, пока одни сны не вытесняли другие. Но даже если так, Зубарев-то был мёртв. Как тогда объяснить происходящее?

Петро вытащил сигарету и закурил. Не успел он сделать и двух затяжек, как один из лежавших перед ним мужчин зашевелился и начал подниматься. Тут же зашевелились и многие другие расстрелянные сельчане. Петро выронил сигарету и инстинктивно вскинул оружие.

– Стойте!

Он тщетно надеялся, что в этих людях ещё остались частицы разума и здравого смысла. Но они походили на тех же зомби, которые набросились на них возле кладбища. Петро выстрелил несколько раз, четверо воскресших упали наземь и окончательно прекратили своё существование в мире живых.

Динцев повернулся к машине – «волгу» уже окружили пять или шесть зомби. Ирина по-прежнему сидела без сознания. Оно и к лучшему, подумал Петро и открыл огонь по мертвецам. Они падали, как свежескошенная трава. Когда патроны закончились, Динцев подбежал к одному из ещё шевелящихся возле машины телу и добил его двумя сильными ударами прикладом по голове.

Отодвинув труп и уже собираясь залезть в салон, Петро услышал выстрел и одновременно почувствовал острую режущую боль в правом плече. Он повернулся и увидел белую «ладу» на противоположной стороне дороги. Прячась за автомобилем, Затравкин держал Петро на прицеле. Затем выстрелил второй раз. Пуля попала Динцеву в грудь. Он выронил ружьё и схватился за открытую дверь «волги». Попытался крикнуть, но вместо этого лишь прохрипел кровью. Картина перед глазами начала расплываться. Остатками периферийного зрения он заметил, что церковь вновь выглядела сгоревшей, а на дороге лежало всего семь или восемь тел, а не десятки. Те, которых успел перестрелять он. Остальные куда-то исчезли.

Третья пуля угодила Петро точно в голову. Его массивное тело сползло по кузову и распласталось на раскаленном асфальте.

– Ирка, очнись. – Затравкин похлопал Ирину по щекам.

Она пришла в себя лишь после того, как шериф сунул ей под нос вату, пропитанную нашатырным спиртом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Затравкин.

– Что? Где я?

Она сидела в их семейной «волге», стоящей посреди центральной дороги напротив сгоревшей церкви. Кругом лежали тела, участок ограждала жёлтая лента, а за ней столпилась целая толпа зевак. Чуть поодаль стояла карета скорой помощи. За ней – чёрный джип Петренко. Сам Петренко – солидный дядька в деловом костюме – толкал речь, пытаясь успокоить возмущённых жителей.

– Даю вам обещание – мы непременно расследуем это чудовищное преступление. И накажем всех, кто за ним стоит.

– Пусть тебя осмотрит доктор Ватсон, – сказал шериф Ирине и дал знак врачам увести девушку.

К Петренко подбежал человек в белоснежных штанах и голубой рубашке с коротким рукавом. В руках он держал компактный микрофон. За ним, как собачонка на привязи, следовал низкорослый толстый оператор с габаритной камерой.

– Пётр Алексеевич, что вы скажете об этой бойне? – спросил пронира-журналист.

Петренко устало вздохнул и ответил:

– Похоже, нам удалось уничтожить фанатика-последователя Сквозняка. Тот же почерк – застреленные прямо на улице местные жители и ещё несколько раскопанных тел мы обнаружили возле кладбища. В них тоже имеются пулевые отверстия.

– Насколько нам стало известно, этот человек работал сторожем на том самом кладбище. Думаете, он спланировал всё заранее?

– Пока сложно судить. Но в вагончике мы нашли вырезки из старых газет, посвящённые делу Сквозняка.

– Ну, коль уж мы вспомнили Сквозняка, не могу вам не задать главный вопрос, интересующий многих и по сей день – о мотивах давнего расстрела мирных жителей и их ранее погребённых родственников. Если тут, с фанатиком, всё более-менее понятно, то что вы скажете о мотивах Ежи Сквозняка? Лично ваше мнение.

Петренко пожал плечами:

– Моё мнение не отличается от общепринятого. Как давно известно, у Романа Сквозняцкого, сына небезызвестного Ежи Сквозняка, присутствовала редкая форма лунатизма. Ежи часто ездил в Киев и даже пару раз в Европу, пытаясь найти средство для лечения этой болезни. Будучи председателем, он расходовал бюджет на личные цели, наплевав на благополучие села...

– А у нас другая информация, Пётр Алексеевич, – перебил журналист. – Во времена Сквозняка Изнанка развивалась и процветала, а после тех событий всё стало приходить в упадок.

– Это поверхностная и недостоверная информация, – недовольно заявил Петренко. – Расхищение бюджетных средств началось именно при Сквозняцком.

– То есть, он ввёл моду, а преемники продолжили?

– Никто ничего не продолжал! Как раз его преемники по сей день стараются наладить жизнь в селе. Вы же должны понимать, что подобные инциденты не проходят бесследно.

– Само собой. Продолжайте, пожалуйста, рассказ про сына Ежи.

– Так вот, как-то раз Сквозняцкий уехал без Романа, поручив одному жителю остаться с сыном. Но житель напился и ночью не углядел, как молодой человек упал с лестницы, сломав себе шею. Консилиум сельчан пытался дозвониться до Ежи, но тот был недоступен несколько дней. Как потом выяснилось, Сквозняцкий проиграл сбережения в подпольном казино, накачался наркотиками и осел в каком-то притоне. Консилиум принял решение похоронить его сына. Когда Ежи Сквозняцкий всё же явился и узнал о случившемся, он тут же ринулся на кладбище и раскопал могилу сына. Ему якобы померещилось, что тот лежал на боку, а крышку гроба покрывали царапины...

– Я извиняюсь, но вам-то откуда знать, что ему в тот момент померещилось?

– Так говорят те, кто слышал его безумные речи и остался в живых. Такие тоже есть.

– Ладно. Понял.

– Обезумевший Ежи схватил ружьё, раскопал могилы родственников тех, кто принимал участие в консилиуме, и выпустил в них минимум по три пули. Затем проделал то же самое с живыми односельчанами. Той же ночью он исчез навсегда, хотя некоторые утверждали, что

видели Сквозняка на ночном кладбище. А некоторые слишком усердно верили в его существование даже спустя десятилетие.

Пётр Алексеевич ткнул носком ботинка в упакованное в чёрный пакет тело, лежавшее возле водительской двери «волги».

Журналист попытался продолжить расспрос, но Петренко жёстко пресёк все намерения:
– Достаточно вопросов. Всю прочую информацию спрашивайте в департаменте.

Петренко отошёл в сторону, к нему тут же приблизился шериф Затравкин. Они украдкой огляделись. Когда журналист и его прихвостень-оператор с явной неохотой оставили Петра Алексеевича в покое и привлекли к себе внимание зевак, шериф достал из кармана пакетик с бледно-бежевыми пилюлями, вытащил две и протянул одну Петренко:

– Ну что, ещё по одной?

Часть 2. Дендрарий

20 июня

Первым делом по прибытии в Изнанку я переобулся и снял пиджак. Мне не хотелось испачкать свои эксклюзивные Prada в лошадином навозе. Куриный помёт был бы ничем не лучше, что уже успел доказать Пабло, мой оператор. Пока я переобувался возле здания сельсовета, он наяривал влажной салфеткой под покровом векового дуба. Я специально попросил его отойти подальше от машины. Мало ли что.

– Знаешь, Вадя, мне кажется, весь этот шум по поводу сраных пилюль не заслуживает нашего внимания. Мы ведь профессионалы, а не практиканты. – Это было криком отчаяния.

Неповоротливый толстяк взмок от пят до коротко остриженной макушки, его местами цветущее прыщами лицо блестело даже в тени. Сейчас он напоминал мне намыленную пористую мочалку. Говорящую.

– Давай дождёмся лекции и узнаем, – посоветовал я.

– Гарбузенко точно знал о препарате, – в третий раз заявил Пабло. – Не верю я в случайности. Он спланировал нашу поездку, но я ума не приложу, почему сразу было не сказать? Выдумал какую-то ересь про загибающуюся Украину.

На днях Гарбузенко, наш главред, поручил нам снять репортаж на тему «Почему погибает Украина? Ищем ответы на глубине». В качестве отправной точки он выбрал печально известное село нашей области – Изнанку. Лучшая кандидатура на роль условного дна, илистого и неприятного до омерзения. Когда-то Изнанка процветала. Как ни странно, во времена Ежи Сквозняка. Но процветание закончилось и наступило гниение. Виноват ли в том Ежи – вопрос по сей день открытый. За ответами мы и отправились в село, но неожиданно оказались в эпицентре прелюбопытнейшей истории с поистине фантастической начинкой.

Изнанку наводнил «Слипинцвейг» – препарат для активного полусна, новое изобретение европейских учёных из Университета прикладной алхимии. Признаюсь честно, за свои двадцать четыре года с освобождения из пелёнок я ничего не слышал ни о подобном препарате, ни о заведении, где его изобрели. Зато изнанковские деревенщины узнали о нём раньше меня, нескромного интеллектуала и информационного вампира. Ситуацию срочно необходимо было исправлять. Если всё происходящее не выдумка полоумных сельчан, коллективно потревоженных маразмом, то я вправе ощущать себя везучим сукиным сыном, сорвавшим джекпот. С таким репортажем нас точно ждёт долгожданный проывв.

– Ну, скоро начнётся это долбанное представление? – Пабло открыл багажник моего «Инфинити FX45», достал сумку с камерой и переложил её на заднее сидение. Он явно не разделял моего энтузиазма. Толстозадый скептик.

Мы уже полчаса торчали возле здания сельсовета, где должна была состояться лекция приехавшего фармацевта по имени Карл Розенцвейг. Надо понимать, одного из главных изобретателей препарата.

Я держал в руках стопку бумаг: сертификаты, разрешения, патент и прочие документы, позволяющие местным властям распространять «Слипинцвейг» в Изнанке по двадцать гривен за пилюлю. Первые три всем сельчанам и гостям населённого пункта предоставлялись бесплатно.

– «Слипинцвейг – пилюли для активного полусна, – начал зачитывать я, выбрав лист наугад. – Это революционное изобретение учёных УПА позволит человечеству взойти на качественно новый уровень.

Препарат воздействует по-разному, в зависимости от индивидуальной специфики каждого организма. Общая же формула неизменна для всех: после приёма мозг засыпает, однако при этом им задействуются скрытые и ранее не используемые ресурсы. Как известно, человеческий мозг работает лишь на пятнадцать процентов от своих возможностей. В связи с этим...»

Я не успел дочитать абзац до конца. Двери со скрипом отворились и на улицу вышел бородатый дед в приличном, но старомодном бежевом костюме. В первую секунду я подумал, что он и есть фармацевт, но старик оказался всего лишь рядовым членом сельсовета.

– Пресса? – гнусавым голосом осведомился седобородый. Получив утвердительный кивок, он оголил пожелтевшие зубы в подобии улыбки, достал из кармана два пакетика и протянул мне. – Это ваши бесплатные дозы.

Я машинально сначала взял, потом спросил:

– Дозы чего? «Слипинцвейга»?

В каждом пакетике лежало по три бледно-бежевых пилюли. Как раз в тон пиджака сельчанина.

– Ага.

Ко мне тут же подскочил Пабло и выхватил свою долю. Затем стал пристально рассматривать содержимое, проверяя его чуть ли не на свету, как банкноту на подлинность.

– А где сам профессор? – спросил я. – Когда начнётся лекция?

– Лекции не будет.

– Как не будет? – в один голос выпалили мы с Пабло.

– А вот так. – Дед уставился на нас стеклянными глазами.

Что-то в его взгляде меня насторожило. Казалось, он смотрел будто слепой, ориентирующийся в направлении лишь по звукам и голосам.

– Эй, дедуся. – Пабло подошёл к старику и положил свою пудовую лапу тому на плечо. Я удивился, как плечо выдержало. – Тебе простительно не знать, но мы с Тошиным одни из лучших областных телевизионщиков, – тут он дал маху, но я промолчал. – И мы прождали два часа на жаре и без дела. Нам сказали, что будет лекция об этом препарате. Где она?

– К сожалению, господин Розенцвейг вынужденно отъехал. – В его бледно звучащем голосе я не уловил ни намёка на сожаление. – А вам я предлагаю принять «Слипинцвейг» и описать в статье ощущения.

– Вы, как я понимаю, его уже приняли? – поинтересовался я.

Седобородый не успел ответить, так как Пабло тут же подсунул ему на размышление ещё один вопрос:

– Он-то напишет статью, а я тогда с какого припёку здесь? Моё дело снимать видео.

Старик не ступил и предложил свой вариант:

– У нас есть потрясающий дендрарий, один из крупнейших в стране.

Нервы моего оператора не выдержали и он, сотрясаемый озлобленной дрожью, выпалил:

– На кой х*р мне снимать ваш дендрарий??

– Пабло, не нервничай, всё нормально, – поспешил я успокоить друга.

– Меня раздражает эта деревушка! Здесь жара и комары.

– Как и в большей части Украины в это время года, – справедливо заметил сельчанин.

Пабло сморщился, сплюнул и махнул рукой.

– Примите «Слипинцвейг», – ещё раз посоветовал дед перед тем, как вернуться в здание сельсовета. – Думаю, он вас немного успокоит.

Такая настойчивость мне не нравилась. Чудопрепарат для активного полусна – даже звучит дико. А ещё и принимать внутрь надо.

Я и не заметил, как Пабло вскрыл свой пакет и вытащил одну пилюлю.

– Посмотрим, как эта хрень меня успокоит, – пробормотал он себе под нос.

– Эй, подожди, – остановил его я. – Давай сначала приму я, а ты заснимешь меня на камеру. Для полной картины нужна комбинация субъективных ощущений и объективной реальности.

Пабло непроизвольно усмехнулся:

– На тебя это не похоже – испытывать на собственной шкуре всякие таблетки. Ты же у нас фанат здорового питания и утренних пробежек.

– Ты прав, но мне до чёртиков надоели эти скучнейшие провинциальные репортажи! Я хочу пробиться на центральное телевидение, а для этого нужен суперрепортаж.

Это было чистой правдой, и Пабло знал об этом ничуть не хуже меня. Мне не хотелось разглагольствовать, поэтому, едва мой оператор вытащил из сумки камеру и включил её, я тут же принял пилюлю и запил минералкой.

– Интересно, что должно произойти? – спросил я то ли себя, то ли напарника. То ли окружавшее нас пространство.

– По идее, ничего особенного, – предположил Пабло со странной уверенностью и зевнул. Он снимал меня нехотя, словно я был его самым неинтересным материалом в карьере. – Это же препарат для активного полусна. Активного, – подчеркнул он.

Прошла минута – никаких перемен. Разве что я почувствовал себя пугающе умиротворённым и расслабленным. Не будь этих внутренних перемен, я бы не допустил того, что случилось в следующие секунды.

По-видимому, моему нетерпеливому напарнику до жути надоело бездействие, поэтому он совершил вопиющий по абсурдности акт – не дожидаясь моего одобрения, принял пилюлю. И ещё убрал камеру на место. Я понимал, что это не самый здравый поступок, однако во мне вполне дружелюбно уместились два противоположных чувства: возмущения и полнейшего безразличия к происходящему.

Я заметил, что Пабло пристально наблюдал за мной. Будто хищник за добычей. Мне аж стало не по себе, пока я не догадался, что неосознанно занимаюсь тем же самым в отношении него.

Где-то с минуту мы стояли в молчаливом созерцании друг друга. Первым, как ни странно, не выдержал Пабло:

– О, кажется, я чувствую.

Он вяло засеменял к машине и был похож на огромного колобка из сырого теста.

– Адская сонливость, – объяснил он, зевнул и плюхнулся на пассажирское сидение.

Вскоре я и сам ощутил эту адскую сонливость. В одну секунду мне вдруг стало казаться, что я не спал двое или трое суток. Ничего себе препарат! Ещё называется «для активного полусна». Я еле успел дотащить потяжелевшее раз в восемь тело до «инфинити». Ни о какой, даже амёбной активности я в тот момент не помышлял.

– Как ощущения? – донеслось до меня сквозь плотную пелену сна.

Я чуть ли не вручную открыл веки и увидел сосредоточенное лицо с бородой молочно-белого окраса. Оно заглядывало в опущенное стекло двери. Заурядный член. Сельсовета.

– Дико хочется спать, – протянул я и обнаружил, что сидел в салоне один.

Взглянул на часы – без четверти двенадцать. Во сне растворился целый час.

– У многих такой симптом от первого употребления, – успокоил меня старик.

– Где Пабло? – Я осмотрел салон и понял, что камеры тоже нет на месте.

– Он сейчас на пожаре. Горит деревенская церковь.

Сначала меня поразило спокойствие, с которым седобородый старец говорил об этом, но потом он добавил:

– Подбросите? Хочу посмотреть вживую.

И я едва не опешил. Тут же включил зажигание, завёл двигатель и кивнул старику садиться.

– Ваш оператор... как вы сказали – Пабло? – спросил тот.

– Это псевдоним такой – Хуан-Пабло. Так-то его зовут Павлом.

Впопыхах я даже забыл удостовериться, что проснулся и способен безопасно вести автомобиль. Как бы дико это ни звучало, но мне почему-то казалось, что окончательное пробуждение ещё не наступило.

– Ну так вот, Хуан-Пабло не пожелал вас будить, поэтому он поехал на попутке. С Антоном Филимоновым.

Имена и фамилии мне ни о чем не говорили. Я закрыл окна и включил кондиционер.

– Куда ехать? – спросил я.

Сельчанин показал рукой на небо:

– На дым.

Да, мог бы и не спрашивать, а просто разуть глаза. Путь оказался смехотворно близким – мы ехали всего две минуты. Центральную дорогу заполонила толпа зевак. Я уже намеревался припарковаться где-нибудь сбоку, но, увидев хищный оскал моего автомобиля, все вдруг стали расступаться, будто я ехал не на чёрном «инфинити», а на красной пожарной машине.

Церковь полыхала как свеча – начиная с верхушки. Я проехал мимо и остановился в тени. Плавно и без всякой суеты. Даже в такой ситуации я следовал привычкам. Что и пугало.

Пабло стоял на передовой и снимал пожар. Периодически переключался на крупные планы зевак. Работал как профессионал, без лишних действий и эмоций. Я подошёл к нему и отрепетировал речь:

– Итак, уважаемые телезрители, мы находимся возле главной церкви села Изнанка. В данный момент она горит, если это кому-то интересно. – Я посмотрел на Пабло. – Что я несу?

– Всё нормально. Работаем, работаем!

Я почувствовал, как кто-то подёргал меня за рукав рубашки. Четверо мелких пацанят продрались в первый ряд, чтобы спросить у меня буквально следующее:

– Дяденька, а сколько стоит ваша машина?

Все четверо, как по команде, показали пальцами на автомобиль.

– Дорого, – признался я и хотел ограничиться столь расплывчатым ответом. Не тут-то было.

– А все журналисты из города столько зарабатывают или вы купили её на взятки, как наш председатель?

Я засмеялся и одновременно почувствовал себя уязвлённым. Вряд ли кому-то будет приятно услышать подобные подозрения, даже от детей. Нет, особенно от детей. Моя невеста Ксюша, узнав о грядущей поездке и теме репортажа, заявила:

– Это кощунство – ехать на съёмки на такой машине!

Я не растерялся и ответил, не долго думая:

– А другой у меня нет.

Конечно, если бы не великодушие моего дяди, уюкошившего себя передозом героина, я бы ездил на каком-нибудь заштатном бюджетном корыте. Холостяцкий и бездетный волк дядя Витя при жизни обычно дарил мне дешёвые часы, но, почив, оказался на удивление щедрым толстосумом, указав меня в завещании наследником одной из своих тачек. Достойное вознаграждение за потерю родственника.

Но вернёмся к детишкам.

– Какие взятки? – удивился я. – Я ведь журналист, а не чиновник или гаишник.

– Вы можете написать неправду за деньги. Или не написать правду, тоже за деньги.

Для своих лет они казались чересчур смышлёными. Может, тоже находились под «Слипинцвейгом»? Задействовались скрытые ресурсы мозга и так далее... Наверняка так и было.

– Нет. – Я счёл нужным пуститься с ними в спор. – Для истинного журналиста всегда важна только правда, какой бы она ни была.

– А вы – истинный журналист?

– Можете не сомневаться.

Не знаю, сомневались эти детишки во мне или нет, но после моего уверения они довольно быстро исчезли из поля зрения. Как я потом обнаружил, они целиком ил, они переключили своепереключили внимание на мою машину. А на их месте, вновь неведомо откуда, появились три деревенские барышни, с характерным для здешних мест колоритом. Моя персона пользовалась небывалой популярностью, о чём и предупреждал главред накануне поездки.

– Молодой человек, вы и правда из города? – спросила одна из них, наименее пухленькая.

Я устало кивнул. Такое восхищение в глазах, будто речь шла о пришельце из другой галактики.

– А снимите нас? – детским голоском пропищала другая.

Я понял, что проще исполнить их просьбу, только бы они отвязались.

– Пабло, возьми крупный план этих девушек, – попросил я оператора.

– У меня много работы, – возразил он. – Надо снять, как приедут пожарные. Слышишь вой сирены?

Я уже собирался оспорить столь детальный подход к освещению обычного пожара, но одна из барышень взяла меня за руку и сказала, глядя в упор застывшими, словно лёд, глазами:

– Нет, мы не про такую съёмку, а про съём.

Я резко одёрнул руку. Тяжело, по кочкам и ухабам извилистой тропинки понимания до меня дошёл смысл фразы. Но я отказывался верить своим ушам, поэтому переспросил:

– Простите, что вы имеете в виду?

Пояснять и без того очевидный смысл взялась самая упитанная, с тонким голоском:

– Предложите нам покататься на вашей крутой машине, а потом отвезите на сеновал. Дальше сообразите, что делать? Можете даже снимать всё на камеру.

Я не знаю, то ли у меня непроизвольно выпучились глаза на пол лица, то ли я что-то ляпнул на своём нелитературном (а может, и то и другое), но барышни в одночасье попрощались и растворились в толпе. Я упустил детали, мне стало жарко и вновь сонливость пробиралась в моё сознание. Не иначе, последствия принятия пилюли. А ведь необходимо было всё тщательно запоминать для будущего репортажа или статьи. Надо взять блокнот и записывать ощущения.

Едва я сделал несколько шагов в направлении машины, как в левом кармане штанов завибрировал айфон. Звонила Ксюша, моя невеста.

– Да, любимая?

– Вадим, всё кончено, – сходу произнесла она сухим голосом. Так обычно зачитывают монотонные объявления и инструкции в поездах дальнего следования.

– Не понимаю, о чём ты, – искренне признался я.

– Так ты ещё и тупой или глухой? – Теперь она явно разозлилась. – Я говорю – аривидерчи, амиго! Гуд бай, май френд! – И отключилась.

Я тут же перезвонил, но она уже выключила телефон. Вот так дела. Я подошёл к машине и озадаченно облокотился о крышу. Ведь мы не ссорились с ней накануне, да и вообще ссорились крайне редко. Что на неё могло найти? Приступов необъяснимой ярости или депрессии я за два с половиной года у неё не замечал. Ксюша всегда взвешивала каждое слово, прежде чем его озвучить вслух. Нет, здесь что-то нечисто.

В пучине размышлений я и не заметил, как приехали пожарные, с ловкостью и быстротой карточных шулеров затушили пламя и вынесли из церкви единственную жертву пожара – молодую красивую девушку. По словам очевидцев, все успели выбежать, а она споткнулась, а потом

задохнулась. Нелепая смерть в расцвете сил. Я слушал, задавал вопросы, но меня не было там. Мне казалось, я стал душой, отделившейся от тела и воспарившей под купол неба. Это село, пожар, даже непонятный «Слипинцвейг» – всё вмиг предстало передо мной каким-то местечковым и не заслуживающим столь пристального внимания. У меня появились проблемы куда серьёзные.

Я крикнул Пабло, чтобы он заканчивал съёмки и шёл к машине. Сам забрался в салон и вставил ключ зажигания в замок. Стартер прокрутился несколько раз и мирно почил. Последующие попытки запустить двигатель оказались безрезультативными и ещё более беззвучными. Дорогущий японский кроссовер, относительно новый, и такая подстава! Но, возможно, имело место инородное вмешательство? Я тут же вспомнил о тех мальчишках, что крутились вокруг него. Но что они могли сделать? Не пробраться же под закрытый капот. Автомеханик из меня был не лучше, чем гимнаст из Пабло, поэтому я лишь формальности ради открыл крышку капота – чтобы хоть что-то сделать. Посмотрел с минуту на хитросплетения внутреннихостей своего авто – и закрыл. Интересно, в Изнанке есть автосервис?

Я посмотрел на редющую толпу. Пабло зачем-то продолжал снимать всё подряд и меня в том числе. Я не выдержал, подошёл к нему и заслонил объектив ладонью.

– Хватит валять дурака! – жёстко потребовал я. – Машина не заводится.

Оператор отпрянул.

– Не трогай грязными руками объектив! – завопил он, но так и не оторвал лица от камеры. Казалось, он сросся с ней.

– Ты слышал, что я сказал? Машина не заводится. Кажется, стартер навернулся. Надо найти автосервис.

Похоже, до Пабло, наконец, дошло. Он перестал снимать и почесал поросшую колючим ёжиком макушку.

– Ты думаешь, здесь есть сервис? – с нескрываемым сомнением спросил он. – А даже если и есть, они наверняка подумают, что твой инфинитос из будущего и не смогут ничего починить.

Я услышал недовольное цыканье позади себя.

– Вы нешто думаете, у нас здесь каменный век, молодой человек? Поверьте, мы разбираемся даже в буржуйских ласточках.

Я увидел подкравшегося к нам мужчину средних лет. Пропитанный машинным маслом камзол и почерневшие пальцы вселили надежду, что он говорит правду.

– Извините за невежество моего напарника, – поспешил я исправить ситуацию. – Посмотрите, в чём дело?

Мужчина пожевал стебель травинки, выплюнул его и кивнул. Я открыл капот.

– Перерезаны высоковольтные провода. – Для точного диагноза ему потребовалось меньше двадцати секунд.

Я бы и сам определил причину, если бы удосужился снять крышку с двигателя. Все шесть проводов, идущие к свечам зажигания, свободно болтались обрезанными.

– Какого дьявола?? – воскликнул я. – Прошло всего полчаса, и машина стояла на сигнализации!

Моему возмущению не хватало пространства. Я сделал глубокий вдох и спросил:

– Вы можете починить?

Через секунду меня уже мало интересовали причины поломки. Прежде всего, я думал, как бы скорее убраться отсюда. Механик остудил мой пыл.

– Требуется замена проводов. Эти восстановлению не подлежат.

Ещё не хватало дорогостоящего ремонта! И так, скорее всего, останемся без солидных комиссионных. В нашем медиахолдинге суровые законы. Нет полноценного материала – нет полноценной оплаты.

– У нас в наличии их нет, – предсказуемо и в очередной раз разочаровал меня механик. – Можете подождать, пока из города вернётся снабженец. Он как раз отправился на закуп. Либо вызывайте эвакуатор и такси.

Да уж, варианты не из лучших. Выгоднее по деньгам, да и по времени, дождаться снабженца.

– Когда вернётся ваш человек? – спросил я, мысленно смирившись с потерей этого дня. Кругом одни убытки.

– Должен успеть к обеду. Так что, заказывать мне ему провода или нет? Пока он не выехал.

Я развёл руками. Подписал акт о капитуляции.

– А что ещё остается делать?

– Да, действительно, что нам теперь делать? – Участие в решении проблемы продемонстрировал и Пабло. Как обычно, его участие в таких вещах сводилось к ворчанию и нытью.

– Лично я вам предлагаю насладиться загородной жизнью, раз уж так вышло. – Механик улыбнулся, и мне стало не по себе от вида его прокуренных вплоть до дыр зубов. Ну и пасть! – А ещё обязательно посетите наш дендрарий. Это главная достопримечательность Изнанки.

Мы с Пабло переглянулись, не сговариваясь. Я знал про дендрарий, но посещать мне его не приходилось. Видать, и впрямь он был столь хорош, раз так настойчиво советовали. Принять «Слипинцвейг» нам тоже активно советовали, напомнил я себе. В результате ничего, кроме состояния набитого ватой чучела он пока мне не принёс. Не знаю, как себя чувствует мой напарник. Мы ведь так и не поговорили о действии пилюль после того, как заснули.

– У тебя голова не гудит? – спросил я.

Механик отошёл в сторону с приложенным к уху мобильником. Пабло паковал камеру в сумку.

– Немного, – ответил он и тут же догадался, к чему я это спросил. – Полагаешь, мы сейчас в том самом полусне?

Я пожал плечами и вытер пот с шеи. Такое ощущение, что солнце припекало даже в тени. Несмотря на жару, мне неимоверно хотелось есть. Насчёт Пабло я не сомневался – он хотел есть всегда.

– Порядок, Макс купит провода и сразу выедет, – сказал вернувшийся механик. – Всё займет часа два-три. А пока можете покурить.

Он протянул руку подобно попрошайке. Очевидно, для ключей.

– Отлично, – проговорил я и отдал ключи. В этом-то ничего отличного я не видел. Не привык доверять машины таким спецам, но в этот раз выбирать не приходилось. – Где здесь можно перекусить?

– Спускаетесь по этой улице вниз. – Он показал направление. – Справа увидите вывеску «Кафе». Там готовят очень вкусные пельмени и борщи. Скажите им, что вы от Лютого. И да, оставьте мне свой номер.

– Спасибо за информацию.

Я достал из машины бумажник и документы. Продиктовал Лютому номер.

– Камеру я возьму с собой, – сказал Пабло и перекинул сумку через плечо.

Длины ремня едва хватало, чтобы обхватить его шарообразное тело. Я лишь кивнул, не видя причин возражать. О том, как Пабло нянчится со своей аппаратурой, знал не понаслышке и не первый год.

Толпа сбежавшихся на пожар зевак постепенно разбрелась. Мы тоже последовали их примеру. Заведение с простым и лаконичным названием «Кафе» мы нашли без труда. Пропустить его было нельзя хотя бы из-за запаха, доносившегося даже до противоположной стороны улицы.

– Чёрт, тут нет кондиционера! – громко рявкнул Пабло, когда мы вошли внутрь.

Интерьер кафе был выполнен в стиле классической избушки – небольшой уютный зал, стены, столы и стулья – из светлого дерева. До слуха донёлся звук работающего телевизора. Народ отсутствовал. Даже персонал появился не сразу, да и то, скорее всего, лишь на громкое замечание моего напарника.

– Добрый день, – поздоровалась симпатичная девушка с заплаканными глазами и потёкшим вследствие этого макияжем. Однако голос её звучал ровно и спокойно.

– Какой уж добрый, у вас церковь сгорела, есть жертва, – продолжил бурчать Пабло. Я жестом пресёк его тираду.

– Здравствуйте, – поздоровался я и дружелюбно улыбнулся. – Господин Лютый нам сказал, что вы готовите отменный борщ. . .

– И пельмени, – вставил оператор и тут же принялся делать заказ. – Я буду пельмени. С майонезом, кетчупом и чёрным перцем. Да, и ещё карри добавьте.

Он уже собирался отойти от стойки и сесть за стол, но на полпути развернулся и добавил:

– Двойную порцию. И литр минералки «Нарзан».

– Хорошо. – Девушка записала заказ и, не поднимая глаз, спросила у меня. – Вы будете борщ?

– Да, со сметаной. И одну порцию пельменей, тоже со сметаной.

Я сел возле Пабло. Тот перебирал зубочистки. По толстой короткой шее текли сочные капли пота.

– Мне кажется, с нами творится какая-то чертовщина, – сказал я и взял салфетку, чтобы протереть лицо.

– Поездка сюда – и есть чертовщина, – буркнул Пабло.

– Я не о том! – Мне начинала надоедать его словесная суета. – Происходят действительно странные вещи. Пожар, на который старче поехал как на бесплатное представление. . . Вообще он вёл себя очень странно. – Я вспомнил его манеру говорить и отсутствующий взгляд. – Потом позвонила Ксюша и сказала, что между нами всё кончено. Без объяснения причин.

– На её месте я бы давно так поступил.

– Да пошёл ты! – не выдержал я и повысил голос до нехарактерных для себя октав. – Это совсем не в её стиле. Если бы она и решила со мной порвать, то рассказала бы во всех подробностях, почему. Она во время каждой ссоры указывает мне на мои косяки. Как котёнка тыкают носом в то место, где не положено гадить, а он нагадил.

– И что? Значит, в этот раз дерьма оказалось так много, что дрессировку она посчитала бесполезной тратой времени. – Пабло ухмыльнулся от своей шутки.

– Ничего подобного. У нас всё было хорошо в последнее время. Я не видел даже намёков на проблемы в отношениях.

– Если ты их не видел, это не значит, что их не было, – блеснул Пабло уцелевшими знаниями по философии. Вторая его мысль оказалась не менее мудрой: – Попробуй позвонить её маме.

Я оживился и потянулся за смартфоном:

– А это идея! Как я сразу не догадался.

Пошли длинные гудки. Пять, восемь, десять.

– Не снимает. – Я вновь поник и вернулся к насущным проблемам. – Ладно, с Ксюшей может быть отдельная история, но что ты скажешь насчёт перерезанных проводов? Кто это мог сделать, дети?

Я и сам понимал абсурдность такой мысли. Просто кроме них я никого не видел около машины. А бросал взгляды на неё я частенько. Мало ли любопытных деревенских дураков.

– Ага, Дед Мороз. – Пабло придерживался такого же мнения насчёт детей. – Ты уверен, что закрыл авто, когда приехал на пожар? Мог в суматохе и забыть.

– Я точно ставил на сигнализацию. Если кто-то и проник под капот, то ему пришлось бы сначала её отключить, а потом включить. Ты понимаешь, как нелепо это звучит?

Пабло задумался и хоть что-то в его действиях меня обрадовало.

– А не мог он перерезать эти чёртовы провода снизу, из-под машины? – спросил он.

В вопросах устройства автомобиля мой напарник был ещё большим профаном, чем я.

– Нет, только если он не превратился в мышь.

– Хм, хрен тогда знает.

Я лихорадочно перебирал любые возможные варианты, один хлеще другого, пока размышления предсказуемо не привели меня к пресловутому препарату для полусна.

– Думаю, в этом нечистом деле не обошлось без влияния «Слипинцвейга». Возможно, мы что-то упустили из вида. – Я тщетно старался вспомнить трущихся возле меня людей из толпы. – Если предположить, что кто-то мог незаметно вытащить ключи из моего кармана и так же незаметно вернуть...

Я не стал заканчивать фразу по двум причинам. Первая: в этот самый момент подошла официантка с глубокой тарелкой борща. Вторая: я решил, что и так всё понятно.

– Да, у тебя украли ключи, чтобы перерезать провода, – заключил Пабло с утиной ухмылкой – неотъемлемым атрибутом проявления его природного скепсиса. – Возникает главный вопрос – зачем? Забавы ради?

– Чтобы задержать нас в Изнанке, – проговорил я и почему-то ощутил пробежавший по спине холодок.

– Мы хоть и звёзды для местного населения, но это уж проявление какого-то нездорового фанатизма.

Я размешал белую сметану в красном борще. Получилась жижа неопределённого цвета. Мне казалось, что точно так же мы сами размешивались в некой ирреальности происходящего.

– Сомневаюсь, что мы столкнулись с проявлением фанатизма к нашим персонам, – деликатно отмёл я эту версию.

Хотя в ту секунду мне вспомнились прямолинейные деревенские барышни, неприлично открытым текстом предлагающие себя для съёмок в горячем домашнем видео. Их с уверенностью можно было обвинить в безнравственности, но представить их крадущими у меня ключи и перерезающими высоковольтные провода под капотом «инфинити» мне было тяжело.

– У меня нет версий, Вадя, – признался Пабло. – Я лишь хочу поскорее уехать из этой дыры. Не будь ты моим другом и напарником, так бы и сделал.

О, как великодушно.

Девушка с потёкшим макияжем принесла нам ароматно дымящиеся пельмени. Моя порция показалась слишком большой, что уж говорить о двойной порции Пабло. Но по блеску глаз и возбуждённому потиранию пухлых ладоней я понял, что возможна и добавка.

– Ел бы ты помедленнее, – посоветовал я, видя, как напарник уметает один пельмень за другим. Мне казалось, он их даже не прожёвывал. – Пожар закончился, куда ты так спешишь?

Пабло проворчал что-то с набитым ртом.

– Не понял.

Он повторил, и мне показалось, речь шла про дикий голод. Как ни парадоксально, я и сам с трудом сдерживал себя, стараясь не наброситься на еду подобно варвару. Такого аппетита у меня давно не наблюдалось. И с чего бы вдруг? Неужели очередные побочные эффекты «Слипинцвейга»? С первой же секунды приёма пилюли я уже раз двадцать успел пожалеть о содеянном. Стоило сначала собрать побольше информации, а мы поступили как стереотипные персонажи американского фильма ужасов – тупо и необдуманно. Я старался списать всё на врождённый инстинкт журналиста. Если хочешь сделать качественный материал, ты должен находиться в самой гуще событий, в эпицентре.

Оказались, Вадим Витальевич, можете гордиться собой и своей работой.

Как я и предположил, еды нам не хватило. Мы заказали ещё по порции драников с мясом цыплёнка. Я попросил чашку чёрного кофе без сахара. И как можно скорее. Чувствовал, что вновь начинает клонить в сон.

– Что же с нами происходит?

Я попытался взбодриться и по-собачьи встряхнул головой. Пабло уже сопел, откинувшись на спинку стула. И что меня дико поразило – он делал это с открытыми глазами.

– Ты спишь? – спросил я. Оператор молчал, устремлённый в пустоту взгляд застыл как на картине. – Ну и дела.

Я взглянул на часы – только полвторого, снабженца ждать не меньше полутора часов. Передо мной появилась чашка кофе, и я не видел, как её принесли. Я заморожено уставился на чёрную дыру в столе. Она испускала пар и гипнотизировала бездонной глубиной. Но я понимал, что у всякой чашки, как и у любого человека, есть дно, просто иногда мы его не видим, из-за чего может показаться, что перед нами целая бескрайняя Вселенная, неизведанный загадочный мир. Хотя на деле это всего лишь крохотная частичка бытия. Многие люди столь же ничтожны по объёму в масштабах космоса, как и чашка кофе.

Кажется, я увлёкся. Черная дыра поглотила меня, бережно и аккуратно.

21 июня

Петух надрывал гортань на совесть, словно участвовал в петушином конкурсе народных исполнителей. Мне захотелось его ощипать и сварить суп. Потом залаяла собака, я не выдержал и открыл глаза. Незнакомую комнату заливал яркий солнечный свет, пробиваясь сквозь небрежно отвешенные шторы. Я лежал на диване, ноги запутались в простыне и пододеяльнике, подушка наполовину выбилась из наволочки. Мне не потребовалось уймы времени, чтобы понять – я не помню, где я и как здесь оказался.

Определённо, это был сельский дом. Я привстал на локти и осмотрелся. Напротив стоял шкаф с сервантом и книжными полками. Справа – кресло с разбросанными на его спинке и подлокотниках вещами. Среди них я узнал и свои белые штаны. Рубашка валялась и вовсе на полу. За креслом находился журнальный столик, заваленный газетами и переполненными шелухой от семечек кружками. Вполне приличный по деревенским меркам телевизор с плоским экраном и солидной диагональю.

Я не без труда встал, натянул штаны и, покачиваясь, подошёл к окну. Растущие деревья заслоняли обзор, мне удалось разглядеть лишь часть забетонированной дороги и собачью будку. В этот момент за спиной прозвучал до боли знакомый голос. Нет, голосок:

– Уже проснулся, городской плохишь?

Я застыл в полуобороте. Мне показалось, неловкое молчание в ту секунду не смели нарушать ни петухи, ни собаки. Пухлая девица с румяными щеками и светлыми волосами, собранными в пучок, смотрела на меня с заигрывающей улыбкой. Я узнал её за долю секунды до того, как обернулся. Птичью трель, выступающую в роле голоса, забыть было сложно. Мне стало не по себе.

– Вы кто? – выдавил я, ощущая себя добропорядочным классическим кретином.

Барышня замотала головой и начала разбирать вещи на кресле:

– А ведь говорила тебе не пить столько. От козьего молока отказался. Конечно, лучше хлебать вино и пиво.

Я решил не усугублять своё положение, а просто подобрал рубашку, надел и зашагал к выходу.

– Куда пошёл? – Вопрос прилетел мне в спину как стрела с ядовитым наконечником. – Завтракать что будешь?

– А что есть?

– Каша, омлет, молоко, сырники, – перечислила девушка.

– Мне хватит омлета, – бросил я и вышел в соседнюю комнату, оказавшуюся зимней кухней.

В углу висел рукомойник. Я умыл лицо, прочистил глаза и уши в надежде, что эта незамысловатая утренняя процедура пробудит мою канувшую в летаргический сон память. Не пробудила.

За массивной дверью, ведущей, надо понимать, на веранду или прямоком на улицу, я услышал смех и знакомый баритон:

– Вы доите коров, а начальство доит нас, если мы не предоставляем материал вовремя, поэтому... – Пабло не закончил безвкусное метафорическое сравнение, завидев меня на пороге веранды.

Он сидел в окружении двух барышень. По их довольным лицам я понял, что беседа с моим напарником им явно приходилась по душе.

– Как спалось, Вадя? – спросил Пабло. – Согласись, из-за свежего воздуха тут охрененный сон. Жмурики на кладбищах спят, наверно, не так крепко!

Девицы засмеялись, но я находился не в том состоянии, чтобы веселиться.

– Можно тебя на пару минут? – бросил я, отыскал на полу бежевые мокасины и вышел на улицу.

– Доброе утро, – поздоровался со мной дед в военной рубашке. Он нёс в дом из огорода два алюминиевых ведра с водой.

– Доброе утро, – ответил я и спустился с крыльца. – Позвольте помочь.

Уважение к старшим я не растерял. Привычки продолжали работать как часы. Поставив ведра, я вернулся на улицу, где меня поджидал Пабло. Я оттащил его подальше от крыльца и ненужных ушей.

– Что происходит? – шёпотом на грани голоса спросил я.

– Ты о чём?

Удивление Пабло мне не понравилось. Оно означало лишь то, что с его памятью таких проблем не случилось.

– Я ничего не помню с того момента, как мы обедали в кафе, – пояснил я.

Оператор напрягся, вспоминая упомянутый мной эпизод.

– Ты про вчерашний день что ли?

– Ну, если сейчас утро, стало быть, приехали мы вчера, – рассудил я. – Но у меня вылетело из головы всё после кафе.

– Ну ты даёшь, Вадя. Ты это... себя хорошо чувствуешь?

Замечательно! – хотелось крикнуть мне. Ни одного обрывка воспоминаний, будто кто-то смонтировал мою память на свой режиссёрский лад. Физически – да, я ощущал себя бодрым, выспавшимся и полным сил. Никаких недугов. Даже голова не гудела, хотя это входило в её обязанности, учитывая упомянутую пухлой барышней попойку. Возникшие противоречия я попытался объяснить Пабло как можно доступнее. В середине моей речи он пренебрежительно махнул рукой, а серьёзность на его лице удивительно быстро трансформировалась в лёгкую усмешку.

– Не парься на этот счёт, – успокоил меня он. – У тебя побочные действия от «Слипинцвейга». У меня та же фигня, но не в такой форме. Я помню всё отрывочно и смутно, как в тумане. Или во сне.

– «Слипинцвейга», – повторил я и возмутился: – Сколько же может продолжаться его действие?

– Очевидно, раз ты забыл всё, то и приёмы новых доз тоже.

Вырисовывающаяся картина нравилась мне всё меньше. Я начинал бояться возможных подробностей потерянных в пучине беспомыслия часов. Мы поселились у деревенских барышень в хате, пьянствовали, за каким-то чёртом принимали сомнительные в природе своего действия пилюли для полусна. Что ещё мы могли делать?

Собственно, такой вопрос я и задал, как только морально подготовил себя услышать что-то невероятное. Но ничего невероятного я не услышал. Во всяком случае, учитывая обстоятельства.

– Ну, после кафе мы встретились с Лидой, Валею и Тоней, – начал рассказывать Пабло. Боже, ну и имена! – Лютый быстро починил «инфинити», мы немного покатались по деревне, потом они позвали нас к себе. В баню... – Он замялся, и я сразу понял, что было дальше. Но предпочёл услышать наверняка.

– Так, и что? У нас с ними случился интим?

Оператор не выдержал и брызнул смехом, пачкая слюной подбородок. Прямо как пятилетний мальчик, случайно услышавший в разговоре взрослых слово «пиписька».

– Ну ты, блин, юморист-литератор! Интим. Мы жахали этих деревенских сочных баб часа три, а они всё просили добавки! – Пабло продолжал смеяться. Мне показалось, он терял контроль над разумом, но пока я предпочитал не перебивать. – В перерывах между сессиями

траха мы пили вино из их погреба, ели крольчатину и принимали «Слипинцвейг». Это было потрясно, хоть я почти ни черта и не помню.

Поражали не события, а тот положительно заряженный эмоциональный настрой, с которым мой напарник про них рассказывал. Да, пай-мальчиком он и близко не был, но и безумцем тоже. Зависнуть на ночь в деревенской заводи с местной флоро-фауной и пичкать себя пилюлями для полусна – перебор даже для Пабло. А как я оказался вовлечён в подобную катавасию, ума не приложу. Скорее всего, это время я им (умом) не пользовался. Вот он и не работал за ненадобностью. Сомнений в том, что виной всему «Слипинцвейг», у меня не осталось. Я радовался, что его действие, наконец, закончилось. Теперь стоило поблагодарить гостеприимных девушек и отчалить как можно скорее. Я машинально похлопал себя по карманам, осматривая широкий двор. Повсюду вольготно гуляли курицы.

– Где FX? – спросил я.

Пабло разом помрачнел и потупил взгляд. Ох уж недобрый знак, тревожно отметил я.

– Лютый сказал, что всё сделает, как на заводе.

Я не сдержался, чувствуя, как начали трястись и покрываться потом руки:

– Что с тачкой??

– Я ни при чём! – У Пабло сработала защитная реакция: он скривил злое лицо и выставил вперёд короткие толстые ручищи. – За рулём сидел ты. И в дерево врезался тоже ты! Шумахер хренов.

– В дерево? – глупо переспросил я.

Как такое могло случиться, ведь это же я! Возможно, в устройстве автомобилей я и не разбираюсь, как опытный автомеханик, но отменным умением управлять ими меня наделил сам Господь. Это ещё подметил инструктор в автошколе. За рулём я ощущал себя лучше, чем рыба в воде.

Но я быстро сообразил, что последние сутки моим телом, скорее всего, управлял не мозг, а пилюли. Всё вставало на свои места, но с приходом понимания обида никуда не ушла.

– Насколько серьёзны повреждения?

Первоначально меня интересовали именно они, а не обстоятельства происшествия.

– Существенны, – многозначительно сказал Пабло. Но поспешил в очередной раз утешить меня: – Ты не парься, Лютый сказал, всё починит. Главное, никто не пострадал в итоге.

Хоть в этом он прав. Бог с ней, с машиной – кусок дорогостоящего железа, не более. Страшно представить, если бы я кого-нибудь экспромтом отправил на тот свет.

– Спокойствие, Вадим Витальевич, всё под контролем, – проговорил я вполголоса, усилием воли подавляя разрывающее меня изнутри негодование.

Однако ноги непослушно перемещали тело туда-сюда по крохотному пяточку напротив крыльца. Я по-прежнему не находил себе места. Пабло стоял со скучающим видом. Я вновь похлопал себя по карманам.

– Так, а где айфон?

Оператор изобразил неподдельное удивление и замотал головой:

– А вот о нём меня можешь не спрашивать. Я понятия не имею. Свою трубу тоже найти не могу. Благо, хоть камера цела.

Я тяжело вздохнул. Мне казалось, мы двигались по спирали, которая закручивалась всё глубже и глубже.

– Где автосервис Лютого? – спросил я.

– Тут где-то недалеко. – Пабло пощелкал пальцами. – Напротив коровьего озера. У баб надо спросить.

Словно почувствовав, что в них появилась надобность, одна из барышень (среднеупитанной комплекции), вышла на крыльцо и упёрла руки в бока.

– Хватит шептаться, голубки. Завтрак стынет.

Знали бы вы, сколько усилий мне пришлось приложить, чтобы отказаться от завтрака и отлучиться до автосервиса. Потребовалось всё природное красноречие. В итоге мы с Тоней (так звали мою условную кураторшу) пришли к компромиссу – я взял с собой в пакете три сырника с клятвенным обещанием съесть их в пути, а по возвращении обязан был приговорить двойную порцию овсяной каши. Только на таких условиях меня выпустили за пределы двора. И показали куда идти. «Всё время прямо, потом справа в ста метрах увидишь небольшое озеро, спустишься по склону к нему и найдёшь там гараж Лютого».

От сырников я избавился сразу, едва оказавшись на свободе. Нарушил клятву, так как выбросил их в кусты. Шагая по безлюдной грунтовой улице, я поймал себя на мысли, что всё происходящее пахнет дурным сном. Уж я-то знаю, каким неприятным душком отдают дурные сны.

В конце прошлого года мы с Ксюшей перевели наши отношения на новый уровень – стали жить вместе, сняв двухкомнатную квартиру в центре города в новом доме. Ощущение полной независимости и самостоятельности целиком окупало дополнительную статью расходов на съём жилья. С ипотекой я не хотел спешить. По крайней мере, до потенциальной свадьбы. А до неё стоило испытать наши отношения фактором, во многих случаях их разрушающим – бытом.

Однако испытаниям в тот период подвергались скорее не наши отношения, а моя психика. И девушка в этом процессе не принимала никакого участия. Меня замучили кошмары. Вообще я от природы человек впечатлительный, вы не найдёте в списке моих любимых занятий просмотр фильма ужасов на ночь или непременно посещение комнаты страха на курорте. Хотя работа журналистом постепенно понижала градус моей впечатлительности. Как говорила Ксюша, «работа превращает меня из милого романтика в заурядного циника». Возможно, она права.

Поначалу я списывал снявшуюся мне ахиною на эмоциональное перенапряжение на работе. Какое-то время старался слушать исключительно приятную и спокойную музыку, читать лёгкие романы вместо газет и смотреть комедии вместо выпусков новостей. Не помогало. Стабильно две-три ночи в неделю я просыпался в холодном поту, а порой и в сопровождении леденящего кровь крика. Причём, кровь леденела не только у меня и у Ксюши, но и у соседей.

Однажды во сне я сбил на дороге китайца. Бедолага был жив, когда я вышел, и что-то бормотал на своём родном. Трассу окутала ночь, фонари, как обычно, горели через один, а то и два. Кругом ни души. Не знаю, что мною двигало, но вместо того, чтобы вызвать «скорую» и ДАИ, я вытащил длинный охотничий нож (отродясь не имел таких «игрушек») и зарезал азиата под аккомпанемент классической музыки, доносящейся из открытого салона авто (которую, так же, отродясь не слушал). Тело погрузил в багажник «инфинити», спокойно поехал домой и лёг спать. А среди ночи проснулся от той мысли, что не избавился от трупа. И бормочу в полусне: «у меня в багажнике мёртвый китаец». Представьте реакцию Ксюши.

В другой раз мне приснилось, что нас заливают соседи сверху. Я проснулся, смотрю на зеркальный потолок, а с него течёт вода и капает на нас. Присмотрелся в отражение и застыл, ощущая, как кровь норовит пробить височную артерию: рядом со мной лежала не девушка, а какое-то убогое существо с длинными ветвящимися конечностями. Одна из них легла мне на грудь. Я закричал. Ксюша проснулась, включила свет, а я всё пялился в потолок. Только не видел ни воды, ни сюрреалистичного отражения. очередной кошмар.

А буквально неделю назад мне приснилось, что прямо посреди нашей комнаты выросло огромное дерево. Это был клён, его стройный истекающий смолой ствол уходил высоко в небо сквозь исчезнувшие потолки дома. Из открытого балкона дул ветер, дерево величественно рас-

качивалось, издавая при этом жуткий звук, едва ли не вопль, растворяющийся в сухом шелесте листы. Оно будто хотело мне что-то сказать, но не могло. А потом сверху посыпались жёлтые листья с острыми, как у клинков, краями. Они впивались в моё тело, наполняя его тяжестью. У меня не получалось встать и даже закричать. В тот раз меня разбудила Ксюша. Она почувствовала, что я весь дрожал, как перетянутый канат. Мои глаза были открыты и залиты слезами. Соленые капли растеклись по скулам и подушке. Я бормотал в бреду: «Почему ты ушла от меня?». Она погладила меня по щеке и прошептала: «Я здесь, милый». Наутро я с трудом поднялся. Даже после убийственной тренировки в тренажёрном зале тело никогда так не болело.

Чёртовы деревья. Картинка сна шла напрямиком из прошлого. Наше первое свидание с Ксюшей случилось в городском парке. Дул сильный порывистый ветер, из-за чего шелест листы заглушал мои робкие комплименты и признания. Я был так влюблён и боялся опростоволоситься, что перестал быть самоуверенным Тошиным. А деревья точно издевались надо мной, наблюдая с высоты.

Погрузившись в воспоминания, я не сразу заметил, как оказался возле коровьего озера. Стадо как раз устроило водопой, одновременно опорожняясь в прибрежные воды. Скучающий молодой пастух развалился в тени дуба, щёлкая семечки. Маленький домик с большим гаражом я нашёл быстро. Вывеска гордо гласила: «Автосервис у Лютого». В прилегающих густых зарослях громоздилась куча ржавого металлолома. Обойдя её, я зашёл в гараж.

– А, ты, – протянул знакомый механик. Он ковырялся под капотом ещё одной кучи металлолома – древнего «Москвича 408» малахитово-зелёного цвета с прогнившим кузовом. – Спиди Гонщик, копыто мне в зад!

– Здравствуйте. – Я кашлянул и демонстративно осмотрел гараж. – Как продвигается ремонт?

Лютый сплюнул и критически покачал головой:

– Карбюратор пора менять. А ещё лучше – корыто целиком.

Он рассмеялся, а я озадаченно уставился на «москвич». Не думал, что придётся уточнять.

– Это бесспорно. Но а как дела с «инфинити»?

– С какой ещё «инфинити»? – внезапно спросил механик удивлённым голосом.

Я с трудом сохранял спокойствие.

– С моей, с чьей же ещё? Или у вас в деревне каждый второй на них ездит?

Лютый отложил гаечный ключ, упёрся руками о стеллаж с инструментами и вздохнул.

– Ещё один. Сколько ты пилюль принял в эту ночь?

Я растерялся от такого вопроса. Во-первых, подобной информацией я не располагал. А во-вторых, какое это имело отношение к конкретному делу о ремонте?

– Хорошо, что тебе не приснился замок на берегу океана, который бы ты искал среди этих коров. – Механик махнул в сторону озера и усмехнулся.

– При чём здесь... – я осёкся. До меня вдруг дошло: – Хотите сказать, вы не помните моей машины? И перерезанных проводов?

Лютый невозмутимо цокнул.

– Я-то как раз всё помню. Да и как я мог забыть твою ласточку? Провозился с ней полночи!

– Да? И где же она?

Выражение лица механика не вселяло радужных надежд. Худшие опасения неминуемо подтвердились.

– Знакомья, это Зина! – Он похлопал «москвич» по крыше.

Я, как истукан, уставился на ржавое корыто, лет тридцать назад покрашенное зелёной краской.

– П... почему Зина? – на выдохе спросил я, будто именно это обстоятельство меня интересовало в первую очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.